

Юлия Звягина

СЕЗОН ШЕСТИ

Дело прокурора-2

Юлия Звягина
Сезон мести. Дело
прокурора – 2
Серия «Дела прокурора
Адамова», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69062416
SelfPub; 2023*

Аннотация

Прокурора Адамова не отпускают мысли о мести, но теперь это не просто цель жизни, а стремление спасти близкого человека. Повторения прошлого допустить нельзя, и надо наконец заставить врага ответить за всё. Однако неожиданные препятствия встают на пути. Он сломлен, теряет веру в себя и не видит смысла бороться дальше. Расследование случайно подвернувшегося дела о серийном убийце ненадолго отвлекает его и совершенно непредсказуемо становится главным делом его жизни.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	53
Глава 6	62
Глава 7	71
Глава 8	81
Глава 9	90
Глава 10	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Юлия Звягина

Сезон мести. Дело прокурора – 2

*Что правильно, что нет – все в голове смешалось.
И прошлое на сердце, как тяжёлая печать.
Нет сил любить, и жить сил не осталось.
Ах, если б только захотелось снова жизнь начать!*

Пролог

Она поехала и остановилась осматриваясь. Вечерний лес был тихим, мрачным и противно холодным. Под ногами хрустели пожухлые иголки и старые сухие ветки. Несмотря на осень, листьев на земле почти не было, наверное, потому что вокруг стояли лишь сосны и ели. Высокие, раскидистые они загоразживали кронами и без того темное небо, наводя тоску и ужас.

– Послушай, что мы здесь делаем в такое время? Зачем все это?

– Шагай, шагай! – поторопил он, легонько толкнув ее в спину. – Стемнеет скоро.

– Нет, я не стану, – несмело возразила она. – Я не хочу!

– Да не ной ты! Все у тебя получится.

Наконец он остановился и завозился возле силков, в которых, запутавшись в сетке, билась небольшая птица.

– Посмотри, как ей жить хочется, – хмыкнул он, – даже крылья себе помяла, пытаясь вырваться.

– Нет-нет! Я не смогу! – Она всхлинула, глянув на птицу, и закрыла руками лицо.

– Слушай, если помнишь, ты сама просила показать, как я это делаю, а еще обещала делать все, что я скажу. А как ты хотела, милая? За все надо платить. На, просто возьми нож и сделай, что я прошу. Иначе ты знаешь, что будет.

Возьми, говорю!

– Вот только не надо мне угрожать! – высоким, надрывающим голосом крикнула она, затем взяла дрожащей рукой красивый узкий клинок с идеально острым лезвием, присела и, на мгновение замерев, резко замахнулась и ударила... Птица пару раз дернула сломанными крыльями и затихла, не успев издать ни звука.

Она посмотрела на струйку крови, стекающую по лезвию ножа, который все еще сжимала в руке, и вдруг заревела в голос.

– Ну что ты! Посмотри, красота-то какая! Прочувствовала? Умница моя, я знал, что тебе понравится. Человек по натуре своей хищник, и это ничто не изменит. Ну, что ты реवेशь? Это же всего лишь дичь. Обычная куропатка. Ха-ха-ха! – рассмеялся он. *– Вот примерно так я это и делаю, только не с птицей, а... с более крупной добычей. – Он вдруг посерьезнел и, с хищной ухмылкой посмотрев на нее, привлек к себе. – Хочешь научу?*

Она замотала головой, не в силах произнести ни слова.

– Ну ладно. Тогда просто посмотришь. В следующий раз возьму с собой, договорились? Ха-ха-ха! – снова захохотал он. *Лес тут же подхватил громкий каркающий смех и понес эхом в макушки деревьев.*

– Нет! Я не хочу! Ты чудовище! – нервно крикнула она всхлипывая. *– Зачем ты так?! Я ведь жду ребенка!*

Оттолкнув его, она с силой воткнула нож в ближайшее

дерево, затем, спотыкаясь и не разбирая дороги побежала в сторону шоссе, туда, где стояла машина. Хотелось поскорее уйти от этого страшного человека! Хотя бы ненадолго! Чтобы не видеть его противной ухмылки и колючего, цепкого взгляда. О большем она и не мечтала.

А он засунул убитую птицу в рюкзак и, выдернув из дерева клинок, пробормотал:

– Все правильно, именно так и должно быть. Дети должны быть сильными и бесстрашными еще до рождения. И они будут такими. Оба. Ха-ха-ха!

Глава 1

В кабинете следователя было накурено и тесно. Трое мужчин, склонившись над столом, заваленном фотографиями, обсуждали новое дело.

Один из них угрюмо качал головой:

– Похожи на ритуальные...

– Ну ты даешь, Лёня! Где же ты видел такие ритуальные убийства? – Другой перебирал снимки и совал под нос первому. – Посмотри! Посмотри!

– Тогда птица мертвая зачем?

– Вот именно! Птица только в последнем эпизоде. Говорю тебе, почерк разный. Скорее, в порыве ревности или случайное совпадение. Слу-чай-ность!

– Ты хочешь сказать, Коля, что это третья случайность? – с горячностью возразил Леонид. – И при чем здесь ревность? Ты забыл об убитом из арбалета дедушке с пасеки? Дедушке! Какая ж тут ревность? А Фролова? Если помнишь, ее тоже убили в лесополосе, она была также привязана к дереву, как эта, – потряс он снимком.

– Фролову, вообще-то, убили в парке, а не в лесу. И сначала задушили, а потом уж ножом. А старика-пасечника? Вспомни! Его на даче нашли. И ни к какому дереву он не был привязан.

– Да, причиной его смерти была стрела, выпущенная из

арбалета в упор, но потом в сердце был точно также воткнут нож! И не на даче, а на пасеке, которая тоже находится рядом с лесом. И парк, в котором убили Фролову тоже находится на краю леса. Я тебе говорю, все три дела схожи! – упирался Лёня, тыча в стопку папок, лежащих на краю соседнего стола.

Леонид Патрушев был начальником следственного отдела уже более десяти лет и знал, о чем говорил.

Однако его подчиненный Николай Зубков не желал учитывать опыт начальства и гнул свое:

– Да в чем ты видишь схожесть? Между ними никакой связи. Ни по способу, ни по месту убийства, ни по жертвам. Я все проверил!

– Коля, не тупи. Все три убийства произошли в лесу или рядом с лесом, примерно в одном районе. И во всех трех случаях фигурирует холодное оружие. И заметь, ни одного отпечатка. Стерты или в перчатках работали.

– Да ну и что! Все убийцы так делают – следы заматают. А периодичность убийства? Фролову убили еще позапрошлой весной. По-за-прош-лой! А старика нынешним летом. А вот эту, последнюю жертву, как ее... – Николай поискал на столе бумагу. – А, вот... Ася Кутепова, двадцать семь лет и так далее. Всего неделю назад ее убили! Ну, Лёнь! Прошел от силы месяц после пасечника, то есть временной интервал совсем небольшой. Но в этот раз все было иначе, никакого сходства с предыдущим убийством. Я же сам вчера ездил на место,

когда тело нашли! Кстати, как выяснилось, в день убийства Кутеповой шел сильный дождь, – мотнул он головой в сторону окна, – который, возможно, и смыл все отпечатки.

Патрушев насупился и посмотрел в окно, за которым не было ни проблеска солнца – одна лишь беспросветная осенняя серость. Рано нынче осень пожаловала, впрочем, и август был необычно холодным. Что с природой случилось, непонятно...

– И что? Говорю тебе, серия! – Без сожаления оторвав взгляд от мрачного пейзажа, он снова уткнулся в еще более мрачные фотографии. – Возможно еще не все жертвы всплыли...

Николай вздохнул и задумчиво посмотрел на начальника.

– Может ты и прав, Лёня. Может, и серия. Но точно не ритуальные.

Третий молча слушал перепалку коллег, даже не пытаясь вникнуть в детали. Ему было неинтересно, да и думал он совсем о другом. Он вспоминал о встрече с другом, которого видел накануне, но радости эта встреча, очевидно, не принесла.

– Что, Слава, задумался? Есть мысли? – обратился к нему Леонид, заметив угрюмый вид товарища.

– Нет, – резко ответил тот. – Нет никаких мыслей. Ладно, работайте, парни, пойду я.

– Слав! – окликнул Николай. Тот обернулся и посмотрел угрюмо. – По делу Адамова нет вестей?

Ростислав отрицательно мотнул головой и вышел.

– Ж-а-аль, – протянул Коля вслед, – он бы нам сейчас здорово пригодился.

– М-да... Ладно, работаем, – шумно выдохнул Патрушев и вернулся к спору...

Месяцем ранее

Анна вышла из вагона и, передернув плечами, поставила на перрон дорожную сумку, чтобы застегнуть плащ. Ветер был совсем не летним – холодным, пронизывающим, настойчиво напоминающим, что осень не за горами. Она вдохнула полной грудью и с досадой поморщилась – после душного поезда слегка подташнивало, и так хотелось свежего воздуха, а тут... Впрочем, откуда взяться свежему воздуху в центре Москвы? Раздражение снова окатило с головы до ног. Анна одернула себя, пытаясь вернуть душевное равновесие. И что раздражается? Такая теперь у нее жизнь, пора бы привыкнуть.

Запахнув плащ и застегнув пуговицы до самого верха, она обреченно вздохнула и подхватила дорожную сумку, которая вовсе не была тяжелой – взяла только самое необходимое на первое время. Людской поток с чемоданами и авоськами тянулся медленно, Анна терпеливо шагала с той же скоростью и наконец вошла в зал ожидания. Присев в дальнем углу зала, она раскрыла сумку и, не доставая конверт, заглянула в него. Уже, наверное, в пятый раз. Ничего нового, там по-

прежнему лежала внушительная пачка денег, но Анна была им совсем не рада. Было стойкое ощущение, будто ей заплатили, чтобы она исчезла.

Комок подступил к горлу. Вот опять она злится и жалеет себя! Ее жизнь сломалась, как дешевая техника или игрушка, сделанная из бумаги. Впрочем, ее жизнь никогда и не была дорогой, но она вполне устраивала Анну. Звезд с неба не хватало, просто была хорошим педагогом и жила себе тихонько на учительскую зарплату. Но вот случайное стечение обстоятельств, и все полетело в тартарары. Она прикрыла глаза и мысленно проговорила все, что решила в поезде, затем решительно встала и направилась к кассам дальнего следования.

– До Санкт-Петербурга, пожалуйста, один билет на ближайший рейс...

– Надежда Михайловна, это что такое? – слегка оторопев, Алексей смотрел на горшок к разлапистым цветком, стоящий на столе. Листья широкими лопухами свисали вниз, а прямо посередине торчал одинокий белый цветок.

– Это Спатифиллум, – горделиво сообщила та, подхватив на руки маленькую черную собачонку. – В народе называется «Женское счастье».

– А почему он тут? – еще больше удивился Адамов, женского счастья в этом доме априори быть не может, потому

что он так решил.

– Ну как же, чтобы красиво было.

– Зачем? – начал сердиться Алексей.

Она подняла брови, искренне удивившись вопросу.

– Да как зачем? Пусть хоть этот цветок украсит твою берлогу. Ты посмотри, какое уныние вокруг.

Алексей огляделся и пожал плечами – никакого уныния, все как обычно.

– Ладно, пусть стоит, – со вздохом согласился он, но тут же поставил ультиматум: – Но поливать я его не стану.

– Да понятное дело, – снисходительно произнесла соседка. – Сама буду.

– Ну, я пошел, – Адамов повернулся и направился в прихожую.

– Алексей, ты куда? Сядь, поешь! Раббик, жди здесь, – приказала Надежда Михайловна и, опустив собаку на пол, ринулась в прихожую. – Ну, Лешенька, ну, пожалуйста! – ухватила она его за рукав, пытаясь силой вернуть в кухню.

– Надежда Михайловна, простите, спешу. – Раскидав тапки в разные стороны, Алексей схватил ботинки.

Однако та не отступала:

– Ну я же для тебя готовила, горячее еще, – обиженно сказала она и, подняв тапки, поставила на обувную полку. – Специально пораньше встала.

– Вы всегда рано встаете, сами говорили, – проворчал тот, снимая с крючка куртку.

– Да что же это такое! – всплеснула та руками. – Ну остановись ты хоть на мгновенье!

Алексей замер. Так когда-то говорила мама. И Аленка. Кинув на соседку хмурый взгляд, упрямо мотнул головой, но та смотрела так умоляюще, что он сдался. Снял куртку, снова нацепил тапки, вернулся в кухню и сел за стол. Наклонился, потрепал Рабби по загривку и кивнул соглашаясь.

– Ладно, только чай с пирожком.

Она довольно рассмеялась и засуетилась.

– Нет-нет, пирожок вчерашний. Омлет. Обязательно! Что я зря готовила? – Надежда Михайловна обиженно выпятила нижнюю губу, затем шустро развернула принесенный завтрак и поставила перед Алексеем. От тарелки шел ароматный парок, пахнувший укропом и чем-то давно забытым, навевающим ностальгию. – Помнишь? Как в детстве. Омлет, запеченный в духовке. Ну, укроп – это так, импровизация, знаю, что любишь.

Он поднял на нее глаза и смутившись скупно улыбнулся:

– Помню. В школьной столовой такой готовили.

– Приятного аппетита! – Надежда Михайловна махнула рукой, будто дала отмашку на старте.

– Сколько ж лет назад это было? А все помнится, – пробормотал он, пододвигая к себе тарелку.

Это снова напомнило ему далекое детство. И маму. И отца, когда тот приходил с работы уставший и погруженный в учительские заботы. Все садились за стол, обедали и дели-

лись новостями.

Надежда Михайловна почему-то всегда напоминала ему о безоблачном и счастливом детстве. И как же здорово, что именно сейчас эта напористая, немного надоедливая, но добрая женщина рядом с ним, иначе он бы не выжил. А ведь всего лишь соседка. Редкость в наше время. Или это просто две одинокие души сошлись на одной орбите и покатались вместе?

А она уселась напротив и, подперев рукой щеку, с умилением наблюдала, как Алексей уплетает слегка осевший, но все еще пушистый омлет.

– Не торопись, поешь нормально. Я потом все уберу, захлопну дверь и пойду к себе. Сегодня пенсию обещали принести. – Она помолчала, потеревила накрахмаленную ею же скатерть и подняла настороженный взгляд. – Лёшенька...

– М-м, – откликнулся тот, прихлебывая чай.

Надежда Михайловна запнулась на мгновение и несмело спросила:

– Ты не узнал, как там Аннушка?.. Она что-то больше мне не звонит и не приходит... Уж второй месяц пошел.

Адамов помрачнел и, пожав плечами, равнодушно буркнул:

– Уехала, наверное.

Знал он, что Анна пару раз приходила к ней, и только в то время, когда он был на работе. Зачем, спрашивается?

Надежда Михайловна встала, прошлась по кухне, смахну-

ла ладошкой пыль с подоконника, отметила про себя, что надо бы протереть, затем вернулась и села рядом с Алексеем.

– Послушай... Не забыл ты ее, я же вижу...

– Надежда Михайловна, пожалуйста, не начинайте! – рассердился Адамов и, не допив чай, оставил чашку. – Спасибо. Было очень вкусно.

Он поспешно вскочил и вышел.

А она только вздохнула и осуждающе покачала головой. Понимала прекрасно, страдает он, старательно скрывая свои переживания за маской безразличия и грубоватости, но чем ему помочь, не знала. И Анна на звонки больше не отвечала.

Сердце старой женщины ухало и отдавалось болью от переживания за этих глупцов, собственными руками погубивших свое счастье. Да только как заставить их любить? Никак невозможно. Вот, цветок этот дурацкий принесла. Зачем? Ведь и сама не верит в это «женское счастье». Она глянула на одинокий белый колокольчик на тонком, длинном стебле и вздохнула, глупости какие, ей-то он счастья не принес. Ни мужа, ни детей, а жизнь прошла. Наверное, оттого и хотела во что бы то ни стало помочь Анне с Лёшенькой.

Надежда Михайловна убирала со стола и вздыхала, охая и шепча про себя слова молитвы: просила небеса наставить заблудших на путь истинный...

Вспомнилось, как она целых два месяца настойчиво приходила сюда каждый день к ряду, старательно подбирая ключик к сердцу этого сурового, замкнутого человека, замкнув-

шего себя по доброй воле, оттого одинокого и несчастного. А он никак не хотел вылезать из выстроенного собственными руками мирка: мрачного, беспросветного, никого в него не допускающего. И Аннушку прогнал по той же причине. Надежда Михайловна от нее все знала: о его прошлом и настоящем, и о том, как много лет губит этот несчастный человек свою жизнь мезью, и о любви, которой боялся и от которой отсекся.

Говорить на эту тему он упорно не желал, и она отстала, лишь изредка делая попытки, когда было совсем невмозготу смотреть на его муки, которые он тщательно скрывал за оболочкой невозмутимого и бесчувственного человека. Но ее ведь не проведешь.

Да и толку от этих разговоров? Добротой да заботой бóльшого можно добиться, чем в душу лезть со своими уставами и принципами. В конце концов, каждому свое: и характер, и уклад, и жизнь – с любовью или без.

И вот добилась, смогла, теперь хоть принимать ее начал, как свою, а не как человека из чуждого ему мира. Снова вздохнула тяжело, вышла в прихожую, в очередной раз убрала на место тапки, затем подхватила на руки своего любимца Раббика и, прихлопнув дверь, ушла к себе. Пенсию вот-вот должны принести. И хоть теперь надобности в ней особой не было, так как Алексей помогал, однако порядок есть порядок.

Глава 2

Стоя на перекрестке у светофора, Адамов крепко сжимал руль, стараясь усмирить нахлынувшие эмоции. Права! Во всем права учительница! Не забыл он Анну, конечно, не забыл. Но ему совсем не до личной жизни. Да и не по пути им – без него ей лучше, спокойней. Однако он здорово изменился в последнее время, признал Алексей. Анна его изменила и события последние. А соседка Надежда Михайловна со своей учительской твердолобостью и непреклонным упорством пробила огромную брешь в его броне, достигнув невозможного – стала практически родной.

Ожидая, когда загорится зеленый, Алексей достал телефон и набрал номер.

– Лига, здорово. Как там Загородняя?

В трубке послышался бодрый голос:

– Приветствую! Все сделал. Билет и конверт с деньгами отдал. Сим-карту приобрел на свое имя и положил туда же. Когда узнала, что от вас, брать не хотела, потом сказал все, как вы велели, и взяла.

– И что? Уехала?

– Да, сам вчера проводил. Села в поезд. Хвосты проверил, не беспокойтесь.

Адамов почувствовал непонятную горечь, а радоваться бы надо – теперь она в безопасности.

– Что мать?

– Мать ее действительно скончалась в больнице две недели назад.

– Криминал?

– Нет, проверил – все чисто. Инфаркт. Приступ случился дома, когда Анны не было. Скончалась в больнице.

– Надо бы проверить, Паша. Может, кто-то к ней приходил в тот день, напугал, вот инфаркт и случился. Или по телефону угрожали. Проверь.

– Хорошо, – согласился Павел. – Немного дайте времени.

– Ну просил же на «ты», – попенял Адамов поморщившись. – Все, до связи.

Светофор загорелся зеленым, и Алексей тронул с места.

Павел Лиговский был частным детективом, в прошлом оперативником в Новгородском УГРО, а еще раньше успел повоевать в горячих точках. Получив ранение, ушел из армии и подался в Органы, а уж потом занялся частным сыском. Адамов нашел его через Зарецкого и, проверив по своим каналам, приставил к Анне практически сразу, как только они расстались. От Лиги Адамов все о ней знал. Когда умерла ее мать, едва не сорвался – очень хотелось поддержать. Вовремя одумался, но предпринял все возможное, чтобы обезопасить ее жизнь.

Наконец решил просто выдворить ее из города, чтобы не отвлекаться от дела. Снял практически все наличные со счета, положил в конверт и купил билет до Москвы. Лиговско-

му дал поручение вручить конверт, а на словах попросил передать: «В городе оставаться опасно. Если не хочешь повторения, уезжай хотя бы на год. А лучше навсегда. От старой сим-карты избавься».

Понимал, что в очередной раз обижает этим безнадежным «навсегда», но что делать? Он не мог бесконечно охранять ее. Несчастливая, нахмурился он, сколько она пережила за это время. А он, негодяй, так ее обидел. И тут же фыркнул – совесть мучает? Откуда? Откуда у тебя совесть, Адамов?! Брось! Главное найти Назаренко, а все остальное не имеет вообще никакого значения. Старательно затолкав слабые проблески совести подальше в закоулки сознания, Алексей стал думать о другом. На этот раз никак нельзя облажаться, не сможет он чувствовать себя спокойно, пока не найдет этого мерзавца. Хорошо, что Анна уехала. Так ему будет спокойней. Да, вздохнул он, на душе стало пусто, но спокойно.

На силу припарковавшись на тесной, забитой машинами улице, Адамов напрямиком направился в городскую прокуратуру.

– Роман Федорович! – Алексей, презрев оклик секретаря, без приглашения вошел в кабинет Левашова. – Убийца на крючке, а мы бездействуем. Два месяца прошло, а мы на месте топчемся. Сбежит ведь! А может, уже...

Назаренко был в розыске, но все говорило о том, что тот не покидал город.

Левашов нажал кнопку на пульте, выключив звук телеви-

зора и хмуро сдвинув брови, посмотрел на вошедшего.

– Алексей, сядь.

Тот присел на краешек стула, рассиживаться было некогда, нужно было еще к баллистам сгонять и в лабораторию.

– Ну, во-первых, доброе утро.

– Вы полагаете? – деланно удивился Адамов и вздернул брови, так и не ответив на приветствие.

Левашов шумно выдохнул и отвел взгляд.

– Прав, сегодня оно совсем не доброе.

– Вот именно! Время не терпит, Роман Федорович! Говорю же, сбежать может! Почему ничего не делаем? Патрушев проверил сведения моего агента? В Озёрки на базу отдыха сгонял кто-нибудь?

Это Кира Зарецкий нарыл сведения. Был там Заря, сто процентов. Засветил машину на камере у самого поворота на Клеверное пару недель назад.

– Проверили, Алексей. Нет его там. И не было... Да уехал он давно куда-нибудь за бугор. – Левашов махнул рукой и хмуро посмотрел из-под седых бровей. – И погоди ты про своего Назаренко! Тут... Тут такое дело...

– Что? – насторожился Адамов и умолк.

– Алексей... Из Москвы пришла бумага... – Левашов сделал паузу.

Адамов поднял глаза, пристально глядя на хмурое начальство, взгляд которого не сулил ничего хорошего. Что-то еще случилось, безошибочно определил он.

– Ты лишен звания, прости, – пряча глаза, сообщил Роман Федорович.

– Что? – снова повторил Адамов, теперь уже с изумлением. Он-то ожидал похвалы за раскрытие столь серьезного, громкого дела. Нет, он, конечно, не ждал особых почестей и наград, но...

– Да, Алексей Сергеевич. Все очень серьезно. На тебя заведено уголовное дело, а также начато внутреннее расследование.

– Какое дело? Какое расследование? – Адамов развел руками в недоумении.

– Ты обманным путем выкрал осужденную Загороднюю из СИЗО. Ввел в заблуждение следствие. Кроме того...

– Какое заблуждение, Роман Федорович? Я же все объяснил и рапорт написал. Это было в интересах...

– Не кипятись. Я полностью на твоей стороне. И если понадобится, буду защищать тебя в любой инстанции. Но подследственную ты выкрал. Да что там! Попросту устроил ей побег, подделав мою подпись и обманув начальника СИЗО Семенова. Было? М-м? – Левашов угрюмо посмотрел из-под седых бровей.

Адамов слегка смутился.

– Да, но вы же помните обстоятельства дела. Покушение на подследственную, сначала в СИЗО, затем на трассе. Я укрывал ее, да! Но исключительно в интересах...

Левашов снова перебил:

– В СИЗО полно отмороженных, и нападение в камере на Загороднюю к нашему делу может не иметь никакого отношения. А расследование дела о покушении на трассе так ни к чему и не привело. Так может, ты все это выдумал вместе со своей Анной? – спросил он и сердито добавил: – Я понимаю, ты хотел ей помочь, влюбился...

– Да вы что несете?! – Алексей нервно рассмеялся.

– Ну-ну, ты полегче! – Роман Федорович расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, разговор был не из легких, Адамов его лучший сотрудник. Был лучшим... – Я все понимаю, Загородняя не виновна, и ты действовал в интересах следствия. Но...

– Но?..

– Прости, – Левашов выразительно посмотрел в потолок, – я бессилён. В общем так, иди передавай Пашкову дела. С завтрашнего дня в прокуратуре ты больше не работаешь... Надеюсь не надо тебе напоминать, что из города уезжать нельзя?

Алексей открыл было рот, чтобы нагрубить, но понял, никакого смысла в этом нет – вопрос решен.

Однако Левашов его снова огорошил:

– Но и это еще не все.

Адамов поднял глаза на начальника, теперь уже бывшего.

– На тебя заведено уголовное дело по подозрению в убийстве Самойлова и Марениной, а также по подозрению в похищении Назаренко.

– Я вот сейчас не понял, вы что, обвиняете меня в двойном убийстве?! – повысил Адамов голос, едва не задохнувшись от негодования.

– Не я!.. Не я. Не надо утрировать, – урезонил Левашов рассердившись. – Московский Следственный Комитет возбудил дело.

– На каком основании?

– На основании фактов и улик. И... на основании заявления от Назаренко Игоря Георгиевича.

Адамов вытаращил глаза, а затем расхохотался.

– Так он в городе? Или в столице?

– Нет, он прислал письмо по электронной почте на сайт московской прокуратуры, где подробенько все изложил. Дескать, некий прокурор Адамов из-за старых необоснованных обид всех поубивал, а теперь пытается перевести стрелки на добропорядочного гражданина, который вынужден скрываться, едва вырвавшись из лап обезумевшего мстителя. И дополнил все это фактами.

– Фактами??? Да какими фактами?!

Левашов посмотрел угрюмо и промолчал.

– Адрес дайте, – сердито засопел Адамов.

– Какой адрес?

– Электронный адрес, с которого пришло письмо.

– Какой адрес, Алексей Сергеевич?! Вы отстранены от дела! И от работы! – шарахнул ладонью по столу Левашов, поставив точку.

– Ясно... – сник Адамов, но тут же вскинулся: – А как же улики? У баллистов, у Патрушева? – Алексей был просто в недоумении.

– Нет никаких улик, Алексей, – снова отвел глаза Левашов.

– Не понял. Как так?

– Дело передано в Москву вместе со всеми документами и материалами. Но...

– Что?

– До Москвы доехало не все. Экспертизы следов крови с кинжала в деле нет.

– Как это? А куда же она делась?

Левашов развел руками:

– Утеряна. Вероятно, халатность.

– Вы серьезно? Халатность? Хорошо, а ДНК-тест?

– ДНК-тест на месте. Но утерю экспертизы кинжала посчитали подозрительной.

– Естественно! – всплеснул руками Адамов.

– Да, но...

– ???

Роман Федорович побряхтел, поерзал.

– Переданные образцы в Москве прошли повторную генетическую экспертизу...

– И?..

Левашов в сотый раз отвел глаза.

– Родственных связей с убитым не обнаружено. Наш ДНК-

тест оказался липовым.

– Не может быть! Значит, образцы не те! Надо перепроверить!

– Что проверять? Новый ДНК тест делать не с чего, кинжал давно отдан владельцу, сам понимаешь, на нем мы уже ничего не обнаружим.

– Да как так? – оторопел Адамов, пытаюсь осознать масштаб катастрофы.

– А вот так. Патрушев объяснить этого не может.

– А что тут объяснять? Экспертизу украли, образцы подменили.

Левашов вздохнул и согласно кивнул:

– Вероятнее всего так и было. Но где и как произошла подмена, неизвестно. И доказать мы ничего не сможем. В компьютере заключения по экспертизе нет. Ее не успели внести в базу. Получается, будто ее и вовсе не было.

– А как же протокол допроса Загородней, когда Назаренко чуть не пристрелил меня в гараже на Пискаревке?

– Нет никакого протокола, Алексей, и дело то закрыто за недоказательностью... Да говорю же, против Назаренко ни одного показания, ни одной улики.

– Господи! – схватился за голову Адамов. – Надо что-то делать!

– Я велел провести внутреннюю проверку, да только это ничего не даст, ты же понимаешь. И, боюсь, эта проверка может еще больше навредить тебе.

– Навредить? Мне? Почему? – искренне удивился Алексей.

– Да потому что часть документов из дела забрал ты сам, если помнишь. И этому есть свидетели.

– Каких документов? – Адамов никак не мог собраться с мыслями.

– Тех самых, которые, по твоим словам, выкрал из твоей квартиры Назаренко.

– Что значит «по моим словам»? Вы не верите мне?

– Я верю, а вот поверит ли столичный Следственный Комитет, вот вопрос. Поэтому проверка проводится в строгой секретности. А Патрушеву я уже вклеил выговор за халатность. Он не имел права выносить документы за пределы следственного отдела, тем более кому-то их отдавать.

Адамов запыхтел:

– Выговор, значит? Кому-то отдавать?.. Хорошо, а как же показания свидетелей на судебном заседании? Они не могли исчезнуть. А экспертиза моей машины со следами краски с Камаза? Наконец, мои показания! – упирался Алексей.

– Показания никуда не делись, и экспертиза краски тоже. Все зафиксировано. Но... Это не доказывает виновность Назаренко. Кстати, Патрушев послал своих на Пискаревку, а там им сказали, что Камаз чужой, не из их гаража, и вовсе не принадлежит компании Самойлова-Назаренко. И кто его туда поставил, так и не нашли. Патрушевские ребята все проверили – все так и есть.

Адамов даже опешил, его возмущению не было предела!

– Да вы, вообще, соображаете, что говорите?!

– Хватит! Свободен! – гаркнул Левашов и, схватив пульт,

включил звук, всем видом показывая, что разговор окончен.

С экрана тут же послышалось: *«За городом произошло очередное жестокое убийство. В лесном массиве, в районе Лосева со следами ножевых ран найден труп мужчины примерно семидесяти лет...»*

– Вот, посмотри, что творится! – ткнул он пультом в экран. – Убийцы обнаглели совсем! Практически в черте города!

– Сказали же – в лесу, – сердито поправил Адамов.

Но Левашов только отмахнулся:

– Да какая разница? Все равно труп этот НАМ на шею повесят. Как пить дать! Так что не обессудь, надо заниматься делами. А тобой займется Следственный Комитет. Ну а пока ты отстранен от дел, сиди дома.

– Ясно, – поднялся Адамов, – значит, словам убийцы вы верите, а мне нет.

– Да не в этом дело! Я верю! – Построив брови домиком, Роман Федорович прижал одну руку к груди, а другую воздел к потолку. – Но все вышло на такой уровень... – Он тут же опустил глаза и с неискренним оптимизмом посмотрел на Алексея: – Но обвинение ведь еще не выдвинули, так что не волнуйся. Вот увидишь, разберутся. Все образуется.

Адамов вдруг сник, разочарованно хмыкнул и направился

к дверям. Остановился, обернулся на начальника. Неплохой мужик Левашов и все понимает, да вот только одна незадача – за звезды боится.

Глава 3

Едва войдя в кабинет, Алексей сел за стол, выдвинул ящик и достал папку. Перелистав все документы дважды, он впал в задумчивость. Это лишь копии, которые не могут стать доказательством в суде, кроме того, в них не хватало всего пары-тройки самых важных листков, отсутствие которых меняло всю картину. И почему он не сделал копию экспертизы кинжала? А впрочем, если бы она и была, теперь это не имеет значения. Поскольку результаты пропали из лаборатории и из базы данных, дело проиграно.

Секретарша заглянула в дверь и виновато улыбнулась:

– Алексей Сергеевич, что-то нужно? Кофе принести?

– Нет, – коротко ответил тот, не поднимая головы, – хотя... – Он посмотрел на нее изучающе, помолчал, наконец вышел из оцепенения: – Лилиан Петровна, найдите Пашкова, скажите, чтобы немедленно явился.

Лиля все также с приклеенной улыбкой скрылась за дверью. Он устало потер глаза, встал и подошел к окну. Кажется, за окном осень, хотя нет, глянул на календарь, ведь еще август. Сезон сменялся сезоном, а Алексей ничего вокруг не замечал. И так уже много лет. Но ему казалось это неважным, он лишь уверенно шел к своей цели. И вот как все обернулось. Как же так случилось? Где он повернул не туда и в какой момент? Разве он не прав? Разве прав Назаренко? Так

почему же!..

Дверь снова открылась, и послышался насмешливый голос Ростислава:

– Адамыч, что впал в задумчивость? Созерцаешь дыхание приближающейся осени за окном? – Он подошел и встал рядом. – Фу, август называется: сырость, серость и слякоть. Настоящая осень! И что там воспевал Пушкин? Не понимаю. Ха-ха-ха!

Алексей повернул голову и пристально посмотрел на друга. Нет, не может быть. Ведь они всегда были друзьями. Хотя ведь однажды он уже предал...

– Слава, кто-то изъял из лаборатории экспертизу следов крови с кинжала и подменил образцы проб.

– Что? – переспросил тот, внезапно посерьезнев.

– Назаренко больше не обвиняемый. – Адамов волчьим взглядом смотрел на друга.

Пашков застыл, глядя на шефа, затем молча развернулся и бегом умчался к себе в кабинет, но через минуту снова показался на пороге.

– В базе тоже ничего... – обеспокоенно сообщил он и подошел к Адамову, который стоял, сложив на груди руки, и хмуро смотрел на него. – погоди, ты же не думаешь... Нет, нет, нет, Лёша, пожалуйста! Я никогда! Правда никогда! То есть... Ну не делал я этого!!!

– Угу, – угрюмо кивнул Адамов и прошел к столу. – Принимай дела.

– Почему? Зачем? – удивился Ростислав и подошел следом. – Лёша, да что случилось?

Тот не ответил, открыл ящик, кинул туда папку, которую только что изучал, и с грохотом задвинул обратно. Также яростно бросил в портфель ручку, ежедневник, чертыхнувшись достал телефон, брошенный туда же, и опустил в карман. Затем сгреб со стола папки с делами и протянул Ростиславу.

– Тут текущие дела. Принимай. Дело фин. директора Васильевой на особом контроле у Москвы. По художнику Карелину уже отработал, можно передавать в суд. Здесь всё по ДТП с машиной депутата Здорина. Держи.

Пашков даже не пошевелился.

– Да объясни толком!

– Да нечего уже объяснять! – раздраженно ответил Адамов, кинул папки на стол и, подхватив портфель, пошел к дверям.

– Лёша! Лёш!.. – Ростислав с недоумением смотрел другу вслед. – Да что происходит, черт возьми?!.. Лиля! Лиля!!!

В дверь тут же заглянула секретарша:

– Что, Ростислав Маркович?

– Ушел? – кивнул Пашков вслед ушедшему Адамову.

Лиля кивнула.

– Заходи, закрой дверь и рассказывай.

Та тихонько вошла и шепотом спросила:

– А что рассказывать? Я ничего не знаю.

Ростислав насупился:

– Лиля, прекрати. Ты всегда все знаешь. Что произошло?

Та оглянулась на дверь и страшным шепотом сообщила:

– Сняли Алексея Сергеевича с должности. И дело завели.

Брови помощника прокурора поползли вверх.

– Т-а-а-к. Рассказывай...

Дома Алексей устроился поудобнее в кресле и, уставившись в окно, за которым слабое августовское солнце безуспешно пыталось пробиться сквозь тяжелые тучи, погрузился в анализ.

Кто-то очень грамотно изъясил самый важный минимум доказательств. А главное, восстановить эти документы уже невозможно: кинжала нет, кровь убитого сравнить не с чем, и Камаз, как оказалось, к делу тоже «пришить» нечем. ДНК-тест объявят подлогом, и начнутся проверки, которые, как правильно заметил Левашов, приведут к Адамову.

И каков итог? Вакантное место виновного снова стало свободным...

Назаренко спланировал все ровно так, как обещал там, в гараже. В голове тут же всплыли его слова: *«Я уеду далеко, а лучше внезапно появлюсь, весь такой изможденный, в синяках и ссадинах, и скажу, что ты держал меня взаперти, пытаясь заставить взять все убийства на себя, чтобы закрыть дело. А на самом деле, всех убил ты. Я расскажу свою правду. И все будут думать, что ты отомстил и хотел уй-*

ти от правосудия. Ну гениально же я придумал, правда?»

Да, обставил его Заря. Действительно, гениально. И если хорошенько подумать, то напрашивался только один вывод – кто-то ему помог. В прокуратуре или в следственном отделе крыса, тесно повязанная с Назаренко. Денег много дал или припугнул, вариантов масса. Кому финансового благополучия не хватает, у кого скелет в шкафу, а у кого семья да дети. Да что там, Адамов уже давно понял, Назаренко здорово умеет людей на крючок цеплять, души человеческие хорошо понимает. Даром, что убийца. Убийца-психолог.

Почему-то вспомнилась вампирша Натали. Как такая сильная, умная женщина могла простить убийство сына? Чем Заря мог ее зацепить? Алексей был не в состоянии это понять. Вот он никогда бы... Ладно, хватит уже об этом. Надо думать, как выбраться из ловко расставленного капкана, в который он и сам не понял, как угодил.

Итак, крыса... Адамов тут же прикинул: на подозрении примерно семь-восемь человек, которых он очень хорошо знает. Пашков, конечно, на первом месте, но сейчас он, кажется, не обманывает, он ни при чем. Патрушев, Коля Зубков, Серега Соколов – ребята из следственного. Нет, эти вряд ли, он их очень хорошо знает. Хотя ведь и Ростислава он знает очень хорошо. Вернее, думал, что знает... Никого нельзя скидывать со счетов. Дальше, в лаборатории: судмедэксперт Гурьев, эксперт по баллистике Рошин и Стрелецкий, лаборант. Их он знает плохо. Совсем не знает. Специалисты они

хорошие, а вот люди какие? И если поприжать...

Дальше кто у нас? Лиля. Она всегда все знает и доступ всегда может найти к любым данным. Назаренко вполне мог найти к ней подход. А Левашов? Он мог совершить подлог?.. Черт! Как же их много! Кто еще, кроме этих людей, мог иметь доступ к документам в кабинете Патрушева, к компьютерным данным, а также к образцам материалов в лаборатории? Вряд ли это кто-то посторонний. Совершенно точно это человек, имеющий право доступа ко всем ресурсам. Он перебирал в памяти все подходящие кандидатуры. Да что толку? Доказать он уже ничего не сможет.

Тягостное ощущение приближения чего-то катастрофического не пугало, скорее обескураживало и вводило в транс. Что будет дальше, представлялось отчетливо: его арестуют, препроводят в камеру, затем долгие судебные разбирательства. А может, и недолгие. Ясно одно – однажды за ним закроется дверь камеры, и он уже никогда оттуда не выйдет. Да, признал Адамов, это дело он проиграл...

Восстановить бы хоть часть из утерянных документов. А лучше нарыть новые улики. Что можно сделать прямо сейчас?

Адамов схватил телефон и набрал номер единственного человека, которому доверял полностью.

– Кира, привет!..

Обрисовав всю ситуацию, он извинился:

– Ты прости, что ввязываю тебя в это. Если о тебе кто-то

узнает, ты тоже можешь пострадать, но, как понимаешь, мне не к кому обратиться... Ты не обязан помогать...

– Бросьте, Алексей Сергеевич! Я готов помочь, – перебил Зарецкий и с готовностью спросил: – Что надо делать?

Адамов выдохнул.

– Спасибо, Кира, вся надежда на тебя.

– Говорите.

– На Пискаревке в автосервисе были камеры. Освещение там хоть и плохое, и дело было ночью, но вдруг Назаренко засветился на какой-то из них в день побега. Проверь. И еще... Меня может спасти только телефон Керкиса. Кровь с кинжала больше не может быть доказательством, поэтому нужно найти телефон.

– Так ведь Натали сказала, что утопила его, – вспомнил Кирилл. – В заливе, что ли, искать? В воде?

– Не надо. Я думаю, что Натали его просто припрятала подальше. Какой бы сумасшедшей она ни была, как бы ни любила Назаренко, она вряд ли сделала такую глупость. Эта дама чертовски умна и понимает, телефон – ее единственная страховка. Я попробую завтра с ней встретиться. А ты проверь гаражи. И подключи Лиговского, желательно вслепую.

– Не доверяете?

– Доверяю, просто так целее будет. Суть он знает, а подробности ему ни к чему. Пусть попробует установить родственную связь между Никитой Керкисом и Назаренко, хотя бы косвенную, вдруг что-то найдет. К примеру, анализы ка-

кие-то сдавали или еще что.

– Понял. Как только что-то найдем, позвоню.

Отложив телефон, Алексей с минуту подумал и снова взял его в руки.

– Паша, здорово. Скоро меня арестуют...

– Что??? За что? – перебил тот обескураженно.

– Выслушай. Надеюсь, до ареста есть еще несколько дней.

И у меня к тебе просьба. Зарецкий один не справится, помоги ему, только, пожалуйста, ни о чем не спрашивай. Тебе не надо ничего знать. Для твоей же безопасности. Просто помоги ему. Договор?

– Договор, – с готовностью согласился Павел. За то короткое время, что они были знакомы, он проникся к прокурору уважением и доверием. Он многое повидал в жизни, и в бою ему прикрывали спину, и в Угрозыске на задержаниях, так вот, Адамов был одним из таких людей – всегда готовых прийти на выручку. А значит, надо ему помочь.

– Только, боюсь, заплатить тебе будет нечем, – вздохнул Алексей. – И если я не выберусь из этой переделки...

– Брось, Алексей Сергеевич, выберешься. Мы с Киной тебя вытащим, обязательно.

– Спасибо. И еще... Чтобы ни одна живая душа не знала, чем вы занимаетесь. Понял? Никаких связей со своими из полиции. Как только озвучишь мою фамилию, погоришь сразу.

– Думаешь, оборотень? – догадался Лиговский.

– Точно. Может, не оборотень, но крыса, сто процентов. Так что, только Кира и ты, больше никого в свой клуб имени «меня» не принимайте.

Алексей выдохнул и положил телефон. Не подставить бы ребят под раздачу. Может, зря он их привлек к делу? Это только его дело. Личное. Если и правда закроют, их может зацепить рикошетом. Хотя, они те еще калачи тертые, успокоил себя Адамов, справятся. Пора бросать привычку недооценивать других.

Так, что еще срочно надо решить?

Ах да, поднялся он, осталось еще одно. Надо бы соседку предупредить, чтобы пока не ходила к нему, не хватало еще, чтобы ее в свидетели призвали. И Господи, как же вовремя уехала Анна! Ведь Назаренко где-то рядом и наверняка мечтает ее найти, чтобы сделать своим оружием против Адамова. Однако раз до сих пор этого не сделал, значит, еще не легализовался, скрывается. Но как только Алексея арестуют, тут же объявится, вне всяких сомнений. И в первую очередь постарается заткнуть рот Анне. От этой мысли сильно защемило где-то внутри, Алексей даже зажмурился от почти физической боли. Но как все исправить, он не знал, в голове была полная сумятица, он был на грани отчаяния. Наверное, впервые в жизни запаниковал. Не за себя испугался – за Анну. И не без оснований.

Заря понял, Адамов – враг сильный, а потому обезопасит себя полностью, а затем уж выйдет на свет Божий, как Леви-

афан из ада. А дальше, как Ветхом завете: *«Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас. Надежда тщетна...»*

Невольно содрогнувшись, Алексей тряхнул головой, прогоняя ужасные ассоциации и призывая себя к здравомыслию. Чувство безысходности было ему незнакомо и оттого пугало адски.

Как раз в тот момент, как он вышел в прихожую, в замке завопили, а через мгновение дверь распахнулась. Сердце у Алексея подпрыгнуло, но тут же встало на место – на пороге показалась Надежда Михайловна.

– Алексей, вот ужин тебе принесла. Наверняка ничего не ел. – Соседка поставила на столик кастрюльку, бережно завернутую в полотенце для сохранения тепла, но тут же, увидев лицо Алексея, застыла. – А ты что у дверей стоишь?.. Что-то случилось? Ты чем-то напуган?

Адамов кашлянул смущенно, будто его застучали за чем-то неприличным. Да, он испугался! Он ужасно испугался, вдруг представив себе, что с ним произошло непоправимое. А как же Анна?! Именно этого страха он боялся больше всего после давней трагедии. Пятнадцать лет он жил, избегая подобных ситуаций, старался жить так, чтобы не бояться ни за кого. Это была самая настоящая фобия.

– Да нет, Надежда Михайловна, все в порядке. Почти. Проходите, я как раз хотел с вами поговорить.

Остывший ужин так и остался стоять в прихожей, бережно завернутый в полотенце. Надежда Михайловна сидела за столом и, вытирала глаза платком.

– Лёшенька, как же так? Ты же ни в чем не виноват.

– Надежда Михайловна, пока ничего страшного не произошло. Я вас просто предупредил. Еще раз: если вас спросят, знакомы ли вы со мной, скажите, что совсем меня не знаете. Просто сосед сверху. «Здрасьте. До свидания», и все. Ясно?

Она закивала головой.

– Хорошо, как скажешь. Я понимаю, что ничем не могу помочь, но разве наше правосудие не справедливо?

– Справедливо, иногда даже слишком. Но иногда, обстоятельства идут вразрез с правосудием. – Адамов невольно вспомнил, как осудил Анну за то, чего она не совершала.

– Но надежда есть?

Он тепло улыбнулся.

– Надежда есть всегда. Вы у меня есть, Надежда Михайловна, и от этого уже легче.

Она отмахнулась и всхлипнула.

– Может, обойдется?

Алексей пессимистично усмехнулся.

– Может и обойдется.

Конечно, в благополучный исход он не верил, но руки опускать не собирался.

Утром, поднявшись с головной болью и совершенно не выспавшись, он быстро собрался и вышел из дому, чтобы навестить старую знакомую – Наталью Керкис. Они недолюбливали друг друга, но вдруг что-то изменилось, и она захочет помочь. Если бы только она захотела дать показания! Это разом решило бы все проблемы.

Спускаясь по лестнице, Алексей услышал трель телефона.

– Да, Кира! – поспешно ответил он, увидев, что звонит Зарецкий. Может, хорошие новости?

Но, увы.

– Все проверил, шеф. Однако порадовать ничем не могу. Камера там одна единственная, и она была разбита как раз накануне случившегося. Сгонял вчера туда и поговорил с мужиками. Назаренко они там видят очень редко, чему откровенно рады, потому как начальник он совсем не добрый. А Камаз действительно был чужой, они даже не смогли сказать, из какой он конторы. Водила обещал забрать Камаз через две недели, но так и не объявился. Номера пробил – липовые.

– Ясно, – удрученно сказал Адамов. – Значит, остается только телефон.

– Да, но...

– Я понимаю. Мы можем никогда его не...

Адамов вышел из подъезда и, запнувшись на полуслове, замер.

Во дворе стояли трое: участковый, которого Алексей хо-

рошо знал и двое в гражданском. Участковый что-то им объяснял, и завидев Адамова, показал рукой.

– Да вот он!

– Адамов Алексей Сергеевич? – подошел один из гражданских. Алексей коротко кивнул. – Пройдемте с нами. Вы арестованы по подозрению в убийстве Самойлова Андрея Павловича и Марениной Светланы Григорьевны.

Глава 4

Анна стояла у своих дверей и никак не могла понять, в чем дело. Ключ к замку не подходил. Она взглянула на номер квартиры, может, этажом ошиблась? Да нет, квартира пятьдесят пять, четвертый этаж. Она посмотрела на ключи, может, перепутала в поезде связку? Взяла чужие ключи? Да ну, глупости, ключи висели на знакомом резном кольце, и вот он – маленький ключик от секретера. Совпадение исключено.

Позади послышались шаги.

– Здравствуйте, а вам кого?

Анна обернулась – по лестнице поднималась молодая женщина с ребенком на руках.

– Вы к нам?

Анна смутилась и отдернула руку с ключом, который в очередной раз пыталась вставить в замочную скважину.

– К вам? Простите, я здесь живу, но вот дверь... – Она покраснела, почувствовав себя неловко, будто хотела взломать чужую квартиру, смущенно кашлянула и посмотрела на маленькую девчушку лет трех, затем снова перевела взгляд на женщину, которая таращилась и в недоумении смотрела то на дверь, то на нее. – Ключ не подходит. – Анна показала ключ и виновато пожалала плечами.

Женщина наконец пришла в себя и сердито заявила:

– Конечно, не подходит, муж вчера замок поменял.

– Зачем? – не поняла Аня.

– Живем мы здесь! Что непонятного?

– Погодите... Но это моя квартира. Меня не было всего два дня!

– Мы купили эту квартиру как раз два дня назад. А вчера въехали.

– Но как же так?! У кого купили? Это моя квартира. – Анна начала осознавать весь ужас происходящего. – А мебель? Там же моя мебель! И секретер! Вот, вот ключ! – Она зачем-то продемонстрировала маленький ключик на связке, которую сжимала в руках. – Там-там-там... Там документы на квартиру! Пойдемте, я покажу. Открывайте!

– Еще чего! – вконец рассердилась женщина. – А мебель вашу вывезли!

– Как вывезли? Куда? – опешила Анна.

– Не знаю, на склад какой-то. Вот так и знала, что обманут! – возмутилась молодая мамаша. – Неужели справка из паспортного стола липовая?! А сказали никто не прописан! Бабушка, которая здесь жила, умерла.

На мгновенье Анна задумалась... Так это аферисты выманили ее из города! Ей ведь сразу не понравился тот мужчина! Сразу показался подозрительным. Ну почему она не позвонила Алексею, чтобы проверить? Боже мой! Неужели она нарвалась на мошенников? Слезы потекли по щекам.

– Господи, Господи, что же делать? – запричитала она.

Малышка заплакала следом, и мамаша, прижав ее к себе,

заявила:

– У нас есть документы, мы купили эту квартиру! Скоро придет муж, он вам все расскажет и документы покажет. Можете подождать его на улице.

– У кого? Скажите, у кого вы ее купили?

– Да не знаю я!

– Эта сделка не может быть действительной! Вот паспорт, в нем моя прописка. – Аня дрожащими руками раскрыла сумку в поисках документов, но тут из нее выпал конверт, и по лестничной площадке рассыпались купюры.

– Ах ты, аферистка! – пошла на нее молодая мамаша. – Получила деньги за квартиру, а теперь пришла права качать? Продала квартиру, а теперь пытаешься нас отсюда выселить? А ну пошла прочь! Не то сейчас полицию вызову!

Анна присела и судорожно начала собирать купюры. А мамаша подхватила дочку и, быстро открыв дверь, скрылась в квартире. Дважды щелкнул замок, окончательно отрезав ей путь в свой дом.

Аня посмотрела на деньги в руках и зарыдала от бессилия. Полиции она вряд ли сможет объяснить, что эти деньги ей дал прокурор. Не хватало еще Алексея подставить. Ведь ей дал этот конверт совершенно незнакомый мужчина, и неизвестно, где он теперь. Боже мой, но что же произошло? И эти деньги? А вдруг они фальшивые? Как она могла поверить совершенно незнакомому человеку? Но ведь он сказал то, что мог знать только Адамов. Анна вспомнила, как несколь-

ко дней назад у подъезда ее встретил высокий, довольно симпатичный мужчина лет сорока, в кожаной куртке с деловой папкой в руках. Он показался очень добродушным, веселым и вполне искренним.

«— Я от Алексей Сергеевича. Вот, возьмите, он просил передать вам.

Анна взяла большой коричневый конверт, заглянула в него и тут же протянула обратно.

— Нет-нет, я не возьму. Передайте Алексею Сергеевичу...

— Погодите. Он предупредил, что вы будете отказываться и просил передать дословно: «В городе оставаться опасно. Если не хочешь повторения, уезжай хотя бы на год. А лучше навсегда. От старой сим-карты избавься».

Анна вдруг поняла, что ничего такого секретного ей мужчина не сказал. Это вовсе не Алексей передал ей деньги, это все Назаренко! Специально выдворил ее из города и дал вот эти деньги. Они точно фальшивые! Надо идти в полицию! Но прежде надо позвонить Дарине. Хотя нет, она и так Дарине должна. Анна снова глянула на деньги. А может, настоящие? Господи, что же делать? Алексею она точно звонить не станет. Она не может снова повесить на него свои проблемы, и он ясно дал понять, что не хочет ее видеть, раз выслал из города. А вот Любаше надо позвонить, она не откажет, подруга обязательно поможет, приютит на время, пока все не выяснится.

Анна хотела достать телефон, но вдруг вспомнила, что в

нем нет ни одного номера, ведь старую сим-карту она выбросила еще перед отъездом, на Московском вокзале. Она усе-
лась на ступеньки и заревела...

Лига развернул сверток с бутербродами и, едва подогрев чайник, налил полную кружку растворимого кофе.

– Здравствуйте.

Он обернулся и едва не подавился от удивления.

– Привет, – с набитым ртом пробубнил он и, толком не прожевав, быстро проглотил бутерброд. – Вы ко мне?

Он оторопело смотрел на модно одетую длинноногую кра-
савицу, пытаясь понять, что ей здесь надо. Наверное, двери
перепутала, решил он – неподалеку находился модный бу-
тик. Хотя, может, неверного мужа желает проучить?

Но девица его удивила еще больше, сообщив:

– Я по делу Адамова. Вы ведь уже в курсе, что он аресто-
ван?

Лига на мгновение запнулся и тут же, вспомнив напут-
ствие Адамова, выдал:

– Мы в свой клуб никого не принимаем.

– В какой клуб? – не поняла девица. – Причем здесь клуб?
Я помочь хочу! Я Березина, адвокат!

– Так вот и я про то. Проваливайте, дамочка. Только ад-
вокатов нам не хватало.

– А Кирилл сказал, что вы друг Адамова, – оскорбленно
парировала девица и повернулась, чтобы уйти.

Но тут в дверях показался Зарецкий.

– А, Дарина Евгеньевна, ты уже здесь? Отлично. Тогда начнем.

– Кира, ты с ума сошел? – покрутил у виска Павел. – Нам же Адамов сказал никого не привлекать, тем более из Органов! Зачем нам лишних людей посвящать в такое деликатное дело? Тем более таких гламурных недалеких дамочек!

– Успокойся, Дарина Евгеньевна не из Органов. И она в курсе дела.

Лиговский косо посмотрел на молодую пигалицу, неизвестно почему называемую Кирой по имени отчеству.

– Ну зачем ты ее позвал? – громким шепотом спросил он.

Но Кира ничуть не смутился:

– Дарина может помочь. И Адамов ей доверяет.

Павел снова усомнился:

– Ты уверен? Чем она нам поможет?

– Я вообще-то здесь! Неприлично говорить о присутствующем в третьем лице! – вконец рассердилась Дарина, тем временем усаживаясь в одно из шатких стареньких кресел, предварительно критично осмотрев его. Ну и детективное агентство! Одно название!

– Кира, где Адамов нашел такого занудного адвоката?! – искренне возмутился Лига, презрительно скривившись.

– Где он такого помощника нашел, вот в чем вопрос! – отбила подачу Дарина.

Он прикрыл ладонью глаза, ужасно хотелось расхохотать-

ся, глядя на напыщенную адвокатессу, но Зарецкий встрял, не дав разгореться конфликту, и поставил все на свои места.

– Послушайте, давайте успокоимся и поговорим о деле. Алексей Сергеевич здорово влип, и надо срочно действовать.

– Ну, раз уж у нас есть сильно умный адвокат, то предлагаю срочно оправдательную базу состряпать, – с пренебрежением глянув на заносчивую девицу, предложил Павел. Он был в корне не согласен с участием лиц женского пола в таком серьезном деле!

Дарина с ненавистью уставилась на него:

– Что значит состряпать? Я адвокат. Настоящий!

– Ну-ну, еще скажите с большой буквы, – продолжал иронизировать Лиговский.

– Девочки, не ссорьтесь! – снова встрял Кира. – Нам надо срочно что-то придумать.

Павел сердито глянул на Зарецкого. Его назвать девочкой! Да он в таких передрягах бывал, несмотря на свои тридцать восемь!

– А что, Кира, у тебя, как у настоящего мужчины, полагаю, есть идеи? – тут же перекинулся он на Зарецкого. Настроение было испорчено, пообедать не дали, еще и указывать будут всякие девицы зеленые, что ему делать!

– Есть, конечно, – тут же отозвался Кирилл. – Я накопал на Натали такой материал!.. Алексей Сергеевич хотел с ней поговорить, но не успел. Но не все потеряно, чтобы заставить

ее дать правдивые показания, я кое-что нашел на нее и ее мужа...

– Так, девочки и мальчики, – остановила Дарина, сверкнув взглядом в сторону заносчивого детектива. – Мы будем действовать законно. А использовать шантаж – это нам не подходит. Адамов нас не похвалит.

Мужчины посмотрели на нее: один все с той же кривой ухмылкой, другой с интересом.

– Хорошо, Дарина Евгеньевна, слушаем тебя, – тут же согласился Кирилл.

– В прокуратуре остались его друзья, и они не бросят его в беде. Я сегодня же пойду и поговорю кое с кем...

– А вот этого не надо делать! – тут же возмущенно перебил Павел. Именно этого он и боялся. – Кира, я же говорю! Она все испортит!

– Почему?

– Ты забыл? В прокуратуре крыса, из-за которой Адамов попал в такой переплет.

– Ой, только не волнуйтесь так! Я знаю, что делаю, – парировала Дарина и презрительно фыркнув, поднялась. – А вы пока подумайте, чем еще можно помочь прокурору. Законно, разумеется.

– Дарина Евгеньевна, будь осторожна, один неверный шаг, и все пропало, – все-таки напутствовал Зарецкий.

Та кивнула, и вышла.

Адамов ходил по камере из угла в угол и терзался. Он определенно сделал что-то не так, но никак не мог понять, где оступился. И как вообще так получилось, что он из обвинителя превратился в обвиняемого? В голове была каша, он никак не мог сосредоточиться, а главное не знал, как все исправить и что предпринять. Что в этой ситуации можно сделать, снова задался он вопросом. Ответ был неутешительным – ничего. Телефон найти нереально, а больше вариантов не было.

В этот момент дверь в камеру распахнулась и на пороге появился надзиратель.

– Подследственный Адамов, на выход.

Тот с подозрением глянул на конвойного, молча встал и вышел за дверь.

– Лицом к стене, руки за спину.

Шагая по длинному мрачному коридору, он с опаской поглядывал по сторонам, нет, вряд ли его уберут так рано. Должен состояться суд, который полностью снимет все подозрения с Назаренко и лишь затем... Он старался не думать, что будет затем. Хотелось надеяться, что Кирилл с Лигой найдут какой-то выход. Жаль с Натали не успел поговорить. Возможно, она бы помогла...

– Проходите, у вас десять минут. Руки вперед, – скомандовал конвойный и, надев на запястья наручники, распахнул дверь.

Алексей, гадая, кто там за дверью, шагнул через порог и

застыл у дверей. Вот его он хотел видеть меньше всего!

Глава 5

Алексей хмуро посмотрел на своего помощника, затем прошел и, не подав руки, молча сел напротив.

– Ну что, здорово ты влип, приятель, – с сочувствием глядя на Адамова, констатировал Ростислав, тоже опустив приветствие.

Пауза несколько затянулась.

– Ты знаешь, что я не делал того, что на меня хочет повесить Назаренко, – начал Алексей первым.

Пашков продолжал молчать, и Адамов вскинулся:

– Ты серьезно? Ты думаешь, это я из мести? Да зачем я стал бы убивать Самойлова? Зачем мне это? Я уже знал, что это не он виновен в смерти Алены и мамы!

Пашков поерзал, повздыхал и наконец сообщил:

– Лёха, в день смерти Самойлова в его кабинете повсюду нашли твои отпечатки.

– Конечно, они там были! – взорвался Адамов. – Я оказывал ему первую помощь, если помнишь.

– Или только изображал.

Адамов глянул с ненавистью.

– Ты серьезно?!

– Не кипятись, – осадил Пашков. – Я там не был, поэтому просто верю тебе на слово. Но, Лёха, отпечатки даже на бутылке с водой, которую ты взял в холодильнике и дал Са-

мойлову промочить горло.

– И что? Он задыхался.

– Да ничего, только в той бутылке нашли остатки сильнодействующего сердечного препарата.

– Что? – Адамов словно протрезвел. Неужели Назаренко все настолько продумал? Значит, никаких иллюзий, надеяться не на что.

– Да то самое, – пробурчал Ростислав. – Это серьезная улика. И этого будет достаточно для обвинения, ты же знаешь.

– Так это те самые улики, которые предъявил Назаренко в Москве? – догадался Алексей.

– Видимо, да. Но и это еще не все.

Адамов только молча вскинул глаза.

– У Марениной в вещах нашли твою визитку.

– И что? Может, я и оставлял визитку в их доме. Я много раз там бывал, пока шло следствие.

– Да, – соглашаясь кивнул Пашков, – ничего криминального, если бы на ней не было написано несколько слов.

– Каких же? – Адамов саркастично скривился.

– Там дата ее смерти и место встречи... На берегу в пригороде.

– И что? Почерк сто процентов не мой. Убийца Марениной написал это на моей визитке и подбросил в ее вещи. У Назаренко был доступ в дом Самойлова, забыл?

Пашков прикусил нижнюю губу и сделал паузу.

– Лёша, на визитке почерк Марениной. Экспертиза это подтвердила.

Адамов на секунду опешил, но вдруг взорвался:

– Да ну и что! Это косвенная улика! Ясно же, что меня подставляют! Назаренко заставил ее перед смертью написать! Или экспертиза липовая!!! И я уверен...

– Лёша, – прервал его Ростислав, – я бы на твоём месте не был так уверен...

– Всё! Ничего не желаю больше слышать! Уходи. – Адамов отвернулся и, стиснув до боли кулаки, зажмурился. Здорово его обложил Заря! Его враг оказался очень предприимчивым и коварным. Сволочь! Неужели это всё? А как же месть? За маму, за Аленку. А за разрушенную жизнь Анны? Он вдруг расхохотался. Ах да, это же он сам ее разрушил. И все равно в сотый раз порадовался, что она теперь далеко и недосыгаема для Назаренко. Он все хохотал, а Пашков с сожалением смотрел на друга.

– Послушай, о твоей ненависти к Самойлову уже все знают. Может, тебе лучше признать вину? Учитывая трагическое прошлое и доблестное настоящее, тебе много не дадут...

Адамов резко перестал смеяться и удивленно посмотрел на Пашкова.

– Убирайся! Убирайся вон!!! – заорал он и вскочив замахнулся.

Тут же появился конвойный и увел Алексея. А Пашков

смотрел вслед другу и все так же хмурился. Он не знал, чем ему помочь.

– Анята, конечно, надо идти в полицию! – Лучшая подруга Анны, Любовь Никоненко ходила по огромной, красиво обставленной гостиной туда и обратно. Она потряхивала каштановыми кудрями, красиво уложенными в стиле «Пляжные волны», и в негодовании похлопывала себя по роскошным женственным бедрам, обтянутым шелковистой тканью домашнего пеньюара.

Анна с тоской смотрела на очаровательную, ухоженную подругу, на все это великолепие и, грустно вздыхая, размешивала сахар позолоченной ложечкой в миниатюрной фарфоровой чашечке с чаем. Вот Любаша везучая, и дом у нее красивый, и муж. Пусть и третий, зато любящий, заботливый, и обеспечивает Любашу, и бережет.

А ее беречь некому. Анну слегка передернуло от внезапно накатившего раздражения. И почему она не может справиться с эмоциями? Ведь пора привыкнуть, что в ее жизни все не так.

– А ты точно не хочешь обратиться к своему прокурору? – на мгновение остановилась Любовь и с надеждой посмотрела на Анну.

– Люба, он не мой! – раздраженно осадил ее, к горлу тут же подступили слезы, хотелось зарыдать в голос, но она по опыту знала – слезы не помогут, и постаралась сдержаться.

– Ну а к Дарине? Она точно поможет! – не отставала подруга.

Аня кивнула, шмыгнув носом:

– Я думала об этом. Но у меня нет денег. Я не могу снова...

– Да у тебя куча денег! – напомнила Люба, кивнув на Анину сумку, висящую на высокой резной спинке красивого стула.

Аня даже рассмеялась:

– Шутишь? Это фальшивые деньги. Я почти уверена.

– Ладно, – наконец согласилась Любовь, – по любому надо идти в полицию. Прямо с утра и пойдём. А сейчас спать, постелю тебе в гостевой.

Анюта обреченно вздохнула и поднялась. Сколько еще она будет доставлять всем неудобства? Просто карма какая-то.

– Ты прости, что свалилась, как снег на голову. Я уж хотела в Камышовку на дачу поехать. Но... – Она хотела сказать, что там все напоминает о... НЕМ, однако сдержалась. – Но надеюсь, завтра все прояснится, и я смогу вернуться в свою квартиру.

– Ну перестань, какая Камышовка? – урезонила Люба. – Живи сколько хочешь. Николай все равно с утра до ночи по своим автосалонам разъезжает, или, вон, как сейчас, по командировкам: Москва-Сочи, Сочи-Питер и снова Москва! Ой, ты не представляешь, как надоело!

– Не представляю, – пробормотала Аня и поплелась следом за подружкой.

– А потом у меня же родительская квартира свободна. Далеко, конечно, на самой окраине. Ой, что я тебе рассказываю, ты же помнишь, где это...

Анна шла следом за Любой, слушала ее щебетание и вздыхала, и когда это все кончится?

Ранним утром Ростислав метался по своему кабинету, вернее по кабинету Адамова, и на шаг уже километров пять, пытаясь собраться с мыслями.

Засунув руки в карманы и насупившись, он все ходил и ходил от деверей к окну, затем в обратном направлении, при этом бубнил себе под нос оправдания и аргументы в свою защиту, пытаясь усмирить пробудившуюся совесть. Но ничего не получалось. Его пожирало чувство вины. Хотя в чем его вина, он не понимал. Но ведь он друг Адамову и должен спасти его во что бы то ни стало! Однако совершенно не представлял, что можно предпринять. Он не спал всю ночь, терзался и думал, думал. Да так ни к чему и не пришел.

– Ростислав Маркович, здравствуйте.

Тот вздрогнул и обернулся.

– А, Дарина, здравствуй, заходи. И брось этот официоз! – раздраженно махнул он рукой.

Дарина села на свое привычное место – кресло, стоящее напротив стола Адамова. Она с тоской посмотрела на пустую

ющий стул прокурора, затем перевела взгляд на мечущегося Пашкова.

– Слава, как дела у Алексея Сергеевича?

Тот нервно отозвался:

– Плохо, Дарина! Хуже не бывает.

Та помолчала, размышляя, как бы выведать у помощника прокурора побольше информации.

– Ты был у него? – наконец спросила она. – К нему пускают?

– А? – очнулся от своих терзаний Ростислав. – А, да, был.

– И?

Тот отмахнулся и снова забегал по кабинету.

– Что делать собираешься? – немного помолчав, спросила Березина.

– А? – снова откликнулся он.

– Слава, надо что-то делать! – с укоризной сказала она. – Ты же понимаешь, это все Назаренко, и насколько я успела заметить, у него связи. Большие. А раз Адамовым занялась Москва, значит, очень большие!

– М-да! – только и сказал Ростислав.

– А что-нибудь по существу можешь сказать?! – не выдержав повысила голос Дарина.

Пашков будто ждал, чтобы выплеснуть на кого-нибудь свои эмоции.

– Что я могу сказать?! – нервно закричал он. – Что ты хочешь от меня услышать?!

– Ну, хотелось бы что-нибудь обнадеживающее, – подбодрила та, сидя неподвижно и наблюдая, как Пашков мечется из угла в угол.

– Ни-че-го! Ничего обнадеживающего сказать не могу! Я только что от Левашова, тот подтвердил мои опасения.

– Какие? – осторожно спросила Березина, чтобы не спугнуть нервно-красноречивый настрой помощника прокурора.

– Взялись за Лёху серьезные люди, – на ходу бросил Слава, не останавливаясь ни на мгновение, – и хватка у них бульдожья. То есть, без шансов. Уж поверь!

Дарина вдруг взорвалась:

– Да хватит уже маячить! Как маятник, честное слово!

Пашков даже замер и с изумлением посмотрел на Березину.

– Дарина, ты чего? Ты не понимаешь? Ничего нельзя сделать!

– Надо его спасти, а ты тут голову пеплом посыпаешь, – сурово возразила она.

Пашков непроизвольно провел рукой по волосам, будто пытаясь стряхнуть невидимый пепел, и снова забегал по кабинету.

– Бесполезно. И лезть в эти дела – себе дороже.

– Но ведь его посадят!

Тот нервно хохотнул и широко развел руки.

– Ясен пень, посадят.

– Все с тобой понятно, – постановила Березина и подня-

лась.

– И ты не лезь в это дело! – Пашков резко остановился и ткнул в нее пальцем: – Ты ничего не понимаешь! Он всех сметет со своего пути! Пережует и выплюнет!

Адвокатесса одарила его презрительным взглядом и пошла к дверям.

Тут же раздалась трель телефона, и Дарина, бросив взгляд на дисплей, быстро ответила.

– Да... К сожалению, пока ничего хорошего, только время потеряла... – Она уничижительно глянула на Пашкова. – Хорошо, сегодня у меня еще одно дело, а завтра заеду.

Глава 6

– Ну что ж, гражданка Загородняя... Анна Васильевна, – сверился с паспортом дежурный сорок шестого отделения полиции, – вы все замечательно рассказываете, но дело в том, что деньги эти настоящие. Я проверил. Откуда у вас так много денег, не расскажете? Кто вам их дал? М-м-м? Вы их украли, или покупатель квартиры рассчитался с вами?? А теперь играете в Большой театр и изображаете жертву.

– Что? – просипела дрожащим голосом Анна. Она так надеялась, что ей помогут, но увы, становилось только хуже.

Сначала они с Любой ждали два часа, когда их примут, потом оказалось, что следователя нет на месте, и вот наконец их пригласил дежурный. Она битый час подробно рассказывала ему о том, что случилось, но полицейский ни в какую не хотел принимать заявление.

– Придется задержать вас до выяснения, – наконец вынес он вердикт и потянулся к телефону. – Карпов, зайди.

– Да вы что! – встряла Любаша. – Анна – педагог со стажем! Вы правда полагаете, что она могла пойти на такую аферу?

– Ну знаете ли, в нашей практике еще и не такое бывает, – не согласился с ней дежурный. – Гражданка Загородняя рассказала занимательную историю! Какой-то неизвестный мужчина дал ей кучу денег, она зачем-то уехала в Москву,

но тут же вернулась. Полагаю, хотела алиби себе обеспечить. А потом вдруг узнала, что ее квартира продана. Ну согласитесь, звучит неправдоподобно.

– Вы хотите сказать, что она обманывает? – снова заступилась Люба. – Тогда зачем она пришла к вам, если сама все это провернула?

– Ну так я же говорю: Большой театр.

– А ну-ка, давайте-ка сюда свое начальство! – вконец рассердилась Любаша. – И побыстрее! А то я вам тут устрою!

– Но-но, гражданочка, вы тут не угрожайте, а то и вас в обезьянник посажу.

– В обезьянник? – сквозь слезы переспросила Анна. – За что?

– Ах, вот так, значит, вы работаете?! – повысила голос Любаша. – Человеку помощь нужна, а вы его в обезьянник?!

– Ну вы же сами сказали, что ей жить негде, – загоготал дежурный и кивнул вошедшему: – Серега, уведи. Сегодня все равно ничего не решим, да и Савельев на выезде. Завтра будем разбираться.

Люба запричитала, побежала следом, пытаясь ухватить полицейского за рукав, потом долго кричала страшные ругательства и угрозы вслед, наконец в бессилии плюхнулась на обшарпанное деревянное сиденье, стоящее в коридоре, и заплакала.

На следующий день Дарина первым делом отправилась в

детективное агентство, чтобы обменяться новостями. У дверей она на секунду задержалась в поисках названия агентства: ей было интересно, как этот невоспитанный и недалекий детектив назвал свою контору, но ничего кроме лаконичной вывески «Частный детектив» не нашла, что еще больше утвердило ее во мнении, что сыщик недалек умом и совершенно без фантазии.

– В прокуратуре нам не помогут, – грустно сообщила Дарина Кириллу, откровенно игнорируя детектива, который сидел за монитором и делал вид, что ему неинтересно.

– А я вот почему-то так и думал! – все-таки вставил он и обернувшись вполоборота скроил презрительную мину.

Дарина продолжила, не обращая на него никакого внимания:

– Но я считаю, что отчаиваться не стоит. Я также поговорила со следователем, который вел дело об убийстве Никиты Керкиса. Он считает, что нужно доказывать виновность Назаренко, а не невиновность Адамова.

– Это называется «презумпция невиновности», если вы не знали, Госпожа Адвокат, – ехидно заметил Лиговский.

Дарина фыркнула и, даже не обернувшись, отбрила наглого детектива:

– Доказать невиновность подзащитного – это работа адвоката, если вы не знали, Господин Детектив.

– Да, доказать виновность Назаренко было бы здорово, – поддержал идею Кира. – Только как мы это сделаем? Улик

против него больше нет, а телефон, в котором доказательства его вины, мы вряд ли когда-то найдем. С Натали мог поговорить только Адамов, никого другого она слушать не станет. Получается, шансов ноль.

Березина с упреком посмотрела на Зарецкого.

– Ну зачем же так пессимистично? Есть еще варианты.

– Какие? – с надеждой спросил он.

Лиговский тоже затих в ожидании ответа адвокатессы.

– У нас есть один свидетель, который точно согласится дать показания. Этот свидетель со стопроцентной вероятностью может подтвердить виновность Назаренко.

– И кто же это? – оживился детектив.

Она свысока посмотрела на него и снова повернулась к Кириллу:

– Я поговорю со свидетелем и все вам расскажу. Ну а вы... Попробуйте найти телефон. Кира, может Керкис сделал копию записи, может, спрятал где-то в соцсетях или в черновиках в электронной почте?

Тот покачал головой.

– Я все проверил. Но я еще раз все просмотрю.

– Отлично. Ну а вы, Господин Ищейка, – повернулась она к Лиговскому, – попробуйте поискать сам телефон там, где предположительно его выбросила Натали.

– И где же это место? Полагаю, Тихий океан? – язвительно спросил Лига, еще не хватало, чтобы им командовала девица!

– Кира вам подскажет, где искать, – снисходительно пояснила Дарина и поднялась. – Ну а мне, пожалуй, пора поговорить с моим подзащитным.

Тут у нее зазвонил телефон и она, глянув на дисплей, быстро ответила.

– Да?.. Что-то случилось?.. Хорошо, где встретимся?

Ночь в полицейском участке показалась Анне долгой. Невольно вспомнились времена, когда она сидела в СИЗО. Повторения совсем не хотелось. Почти всю ночь она размышляла о том, что случилось. Значит, деньги настоящие и их действительно передал Алексей? Но что случилось в ее отсутствие? Кто продал ее квартиру? Сердце стучало, путая ритм, и сосало под ложечкой, то ли от голода, то ли от нервного напряжения. Было стойкое ощущение, что произошло что-то ужасное. Или это просто нервы?

Наконец дверь открылась, и ее повели к следователю. Снова изложив всю историю (умолчав лишь о прокуроре), Анна со слабой надеждой посмотрела на сидящего перед ней мужчину: неприветливого, крайне неразговорчивого и явно не выпавшегося.

Люба снова была здесь, она уже переговорила со следователем, и теперь сидела улыбалась, очевидно, в ожидании благополучного исхода. Денег, наверное, дала, догадалась Анна. Да только зря все это. Что он может сделать? Ну примет заявление, ну откроет дело о мошенничестве, искать-то ни-

кого не станут. Анна часто слышала по телевизору и читала о подобном: как правило, мошенников не находили, да особо и не напрягались, и дело благополучно уходило в разряд "глухарей". Собственно, поэтому и заявление принимали с неохотой.

Однако на деле все оказалось гораздо хуже.

– Вы же нам поможете восстановить справедливость? – заискивающе улыбаясь, спросила Любовь. – Анне жить негде, нельзя же человека оставить на улице.

– Перестань, Любаша, – попыталась остановить Анна, кому интересны ее проблемы? – Пусть хотя бы отпустят.

– Отпустят, конечно! – ни на секунду не усомнилась Люба.

– Гражданочка, вы не торопитесь, – урезонил хмурый следователь. – Вы что ж думаете, мы тут сидим и штаны протираем? Мы, между прочим, провели следственные мероприятия и выяснили, что документы у новых жильцов законные. Так, может, это вы объясните почему у вас в паспорте нет отметки о выписке из квартиры? – грозно глянул он на потерянную Анну.

Та опешила от такого поворота.

– Вы что же, не отпустите меня?

– Пока нет оснований. И у нас есть еще двадцать четыре часа законного задержания.

Любаша тут же вскочила и подлетела к полицейскому:

– Да вы что себе позволяете?! Я же вам только что...

– А вас попрошу выйти, уважаемая, а то пойдете за соуча-

стие.

– Что-о-о????!!!

Тут все обернулись, услышав звонкий голос:

– Здравствуйте, я адвокат Загородней Анны Васильевны...

– Привет, у меня сегодня выходной, так что я готов к подвигам, – сообщил Зарецкий, ворвавшись во владения детектива. – Чем занимаешься? Удалось что-нибудь найти?

Кирилл плюхнулся на старый диван: полуживой и такой облезлый, словно ободранный несколькими поколениями котов. Под тяжестью рослого молодца диван жалобно скрипнул, готовый развалиться, но не успел. Зарецкий вскочил и подошел к тихо заурчавшей кофеварке, оповестившей о готовности порции крепкого бодрящего напитка сомнительного качества.

– Паша, когда ты уже себе нормальный кофе купишь? – поморщился Кира, вдохнув аромат, не имеющий ничего общего с кофейным и, щедро насыпав пять ложек сахара, добавил: – И хорошо бы кофемашину!

Лиговский не ответил, он сидел, уткнувшись в монитор, и что-то бубнил себе под нос.

– Лига, ты меня слышишь?

– Слушай, а она красавица, – наконец очнулся тот, продолжая перелистывать фотографии на странице.

– Ты что, женщин рассматриваешь? Я думал, ты делом

занят, – возмутился Зарецкий, заглянув ему через плечо. – А, интересуешься прекрасной Натали?

– Угу, – буркнул детектив, внимательно рассматривая безупречно одетую, слегка высокомерную, но определенно очаровательную женщину.

– Знаешь, как Адамов ее называет?

– М-м?

– Вампирша.

Павел развернулся и уставился на Зарецкого.

– Серьезно? А ты знаешь, что-то в ней такое есть. Да-да, точно, что-то магическое.

– Смотри не влюбись, не то обратит тебя в свою веру, и станешь ты таким же бледным и надменным, – кивнул Кирилл на фотографии Натали и загоготал.

Павел наконец оставил увлекательное занятие и обернулся к другу:

– Кира, а что ты там говорил о шантаже Натальи Керкис?

– Паша, Дарина же ясно сказала, такие методы нельзя использовать.

Павел поерзал. Мало ли что сказала Дарина!

– Да я и не собирался, – отмахнулся он. – Просто интересно. Я тут покопался в ее биографии. Ничего примечательного, она всего лишь красивая женщина и дизайнер интерьеров, что такого порочного может за ней водиться?

– Ну, там все очень интересное. Дизайнер – это так, красивая обертка для великосветской дамы, а вот муж ее занимал-

ся кое-чем противозаконным. Его в живых нет, но она продолжает заниматься его грязными делишками. Я присматривал за ней некоторое время по просьбе Адамова и выяснил, что Наталья Керкис участвует в целой цепочке противозаконных сделок.

Лиговский даже развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Интересно, какими же противозаконными делишками грешит прекрасная вампирша? Разве такие красивые дамы в чем-то разбираются? Что они могут?

– О, поверь, у нее много талантов, – заверил Кирилл и громко отхлебнул невкусный горячий напиток.

– Ну расскажи, ты же знаешь, мне можно доверять.

– Хорошо, так и быть, кое-что тебе расскажу...

Глава 7

Девушки сидели в кафе неподалеку от отделения полиции и дружно радовались благополучному исходу дела.

– Дариночка, и как это у тебя все так ловко получилось? – хохотала Любаша, вспомнив безумный взгляд следователя, когда того застукали за взяткой.

– Люба, это тебе спасибо. Хорошо, что все у нас получилось. Вот если бы он не взял деньги, тогда нам пришлось гораздо сложнее.

Анна, улыбаясь сквозь слезы, слушала их, смотрела на Дарину и радовалась. Та всегда ассоциировалась у нее с надеждой на неизменно благополучный исход любой проблемы, то есть внушала оптимизм. Теперь, когда в ее жизни снова появилась Дарина Березина, Аня была уверена, все образуется, иначе и быть не может. Сама она потеряла волю к жизни, в которой исчез всякий смысл. Но вот Дарина ворвалась (в буквальном смысле) в ее несчастную жизнь и озарила ее, словно луч света... Как там дальше у классика?.. Наверное, такой и нужно быть, чтобы чего-то добиться. Сама она полная ей противоположность. Вот кому нужна ее тихая интеллигентность, сдержанность и правильные суждения о жизни? Вероятно, никому.

Она с улыбкой вспомнила, как всего полчаса назад Дарина ворвалась в кабинет следователя и устроила грандиозный

спектакль!

«— На каком основании вы задержали мою клиентку?

— У нее была целая куча денег... — попытался объяснить следователь.

— Разве это является преступлением?

— Само по себе нет, но...

— Какие еще обвинения ей вменяются? Кто-то подал на нее заявление? Она нарушила закон? Что-то украла? Кого-то избила? Ну что же вы молчите?

— Так это... Она... Так! — пришел в себя следователь и сердито стукнул рукой по столу. — Что это вы тут раскричались? Гражданка Загородняя подозревается в мошенничестве...

— У вас есть заявление на этот счет? — Дарина стояла перед следователем, уперев руки в стол. — Тогда покажите. Я имею право с ним ознакомиться.

Она тут же протянула руку и схватила папку, лежащую на краю стола. Вот тут-то все присутствующие и увидели ровненькую и весьма внушительную пачку денег.

— Та-а-к... — протянула Березина. — Прямо сейчас вызываем понятых и эксперта. Если на этих деньгах окажутся отпечатки моей клиентки или свидетеля, — кивнула она на Любашу, которая сидела с открытым ртом и наблюдала этот превосходный спектакль, — то, сами понимаете... Или мы можем разойтись красиво. Что выбираете?

Следователь ошалело смотрел то на адвоката, то на

деньги.

– Ну, что ж... – Дарина медленно пошла к дверям и уже открыла их...

– Хорошо, хорошо! – остановил следователь. – Закройте дверь.

– Ну вот и отлично. Давайте протокол, и мы уходим. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы моей клиентке отдали ее вещи в полном объеме, вы понимаете, о чем я. Иначе...

– Да понял я, – пробубнил следак и, протянув документы, поднял трубку. – Лазарев, Загородняя свободна, отдай вещи. Всё до единого рубля! Понял?

Дарина вырвала из-под руки следователя несколько листов и, глянув в них, засунула в сумку, затем взяла под локоть Анну.

– Девочки, уходим. Люба, забери деньги. Они нам пригодятся на какое-нибудь благое дело».

– Да, здорово ты придумала поймать его на взятке, – веселилась Любовь. – Конечно! Кто же откажется от денег, тем более зарплата в полиции не такая уж и большая, наверное.

Дарина отмахнулась:

– Я думаю, этот сотрудник не заслуживает даже своей зарплаты.

– Это точно! – закивала Люба. – Такой индюк надутый! Ни в какую не хотел Анюту отпускать! Ну ладно, девочки, мне пора. Коля приезжает сегодня. Анюта, ты твердо решила на дачу уехать? Может останешься? Родительская кварти-

ра пустоует, там правда мебели почти нет, но какое-то время можно пожить.

– Спасибо, Любаш, я на даче поживу пока, а потом посмотрим.

– Какая дача? – встряла Дарина. – В Камышовом, что ли? Но, Аня, там ведь уже холодно. Давай ко мне. Пока с твоей квартирой вопрос не решим. – И заметив, что Анна готова запротестовать, тут же урезонила: – Все-все! Не обсуждается!

Анна постояла в знакомой ей прихожей, затем подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение: бледная кожа, тени под глазами и потухший взгляд. А всего каких-то два месяца назад в этом самом зеркале отражались обеспокоенные, но счастливые глаза женщины, полной надежд и стремлений, очаровательной дамы, которая должна была сопровождать не менее прекрасного мужчину на прием.

Дарина скинула ботинки, освободившись наконец от высоких каблуков, прошла в комнату и устало опустилась в кресло.

– Проходи, не стесняйся! – крикнула она, но не услышав ответа, встала и выглянула в прихожую. – Ты чего?

Анна обернулась и пожала плечами.

– Да так, ничего.

– Неважно выглядишь, – наблюдая за ней, сказала Дарина. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– А ты как думаешь? Как может чувствовать себя человек, который недавно потерял маму, любимого человека, а теперь еще и крышу над головой. – Аня оторвала взгляд от удручающего вида в зеркале, повернулась и посмотрела на Дарину.

Та была, как всегда прекрасна: шелковые темные волосы, безупречный макияж, и цепкий, изучающий взгляд красивых карих глаз, в которых читался интеллект. Да, иногда по глазам можно сразу понять, кто перед вами: бессовестный лжец, глупец и невежда или мудрый, все понимающий человек. Это можно определить без специальной оптики, и даже не нужно напрягать зрение, достаточно немного пообщаться с человеком и посмотреть ему в глаза. Дарина производила впечатление мудрого и все понимающего человека, несмотря на свои неполные тридцать пять. А еще сочувствующего, смелого и способного на жертву. Анна вдруг вспомнила, что Дарина тоже была влюблена в Адамова. От воспоминаний о нем ей тут же стало горько. Обида подкатила к горлу, и захотелось разрыдаться.

– Что с тобой? Тебе плохо? – обеспокоенно спросила Дарина, подошла и встала рядом.

– Да так, давление что-то скачет в последнее время, и настроение все время в минусе, – отмахнулась Анна. – Ты, пожалуйста, не слушай меня. Не знаю, что со мной, я постоянно себя жалею, пытаюсь с собой справиться, но... От железного педагога не осталось и следа, – хмыкнула она.

– Не удивительно, после всего, что ты пережила... – Да-

рина положила ей на плечо руку и посмотрела в зеркало. – Аня, ты можешь оставаться здесь, сколько захочешь.

Та снова посмотрела в отражение. На этот раз там были два девичьих лица: одно бледное и словно неживое, и другое – с задорным блеском в глазах и неизменной оптимистичной улыбкой. Может, и правда все будет хорошо? Когда-нибудь... Нет, вряд ли.

– Так о чем ты хотела со мной поговорить? – Не в силах видеть столь разительный контраст Аня отвернулась от зеркала и прошла наконец в комнату.

Дарина секунду помедлила.

– Адамов арестован, – коротко сообщила она, стоя в дверях гостиной.

– Что??? – У Анны внутри словно вспыхнул огонь. Она знала! Чувствовала! Так вот почему ей так плохо!

– Да. Его обвиняют в убийстве Самойлова и Марениной.

– Не может быть! Ты что, думаешь, это он? Нет-нет! Ты же знаешь, он не стал бы этого делать!

Дарина рассмеялась:

– Аня, в этом ты вся. Добрая душа! Ты ни секунды не сомневаешься в его невиновности.

– Я его знаю, – категорично заявила та. – Он не мог просто взять и убить человека. Он даже Назаренко убить не смог!

– Да, потому что он слишком правильный. Хочет, чтобы все было по закону. Только он все время забывает, что многое зависит от того, кто представляет этот закон. Вот как се-

годня, к примеру. Ладно, это все лирика. Дело серьезное, и я намерена его защищать. Но без твоих показаний...

Анна ошарашенно уставилась на Березину и на мгновение потеряла дар речи.

– Нет! – наконец ожила она и замотала головой. – Я не смогу. Да и не хочу. Я хочу поскорее все забыть! Я не готова снова все это пройти.

– Он обидел тебя? – Дарина действительно была мудрой и все понимала.

Анна нахмурилась и покачала головой:

– Не в этом дело.

– Послушай, я не знаю, что между вами произошло... Мне казалось...

– Тебе показалось. Прости. Он не виновен, я верю. Так что правосудие разберется. – Анна поднялась и вышла в прихожую.

Дарина пошла следом.

– Я поеду в Камышовое, на дачу, – поспешно надевая плащ, сказала Аня. – Там еще тепло, и дрова есть, а потом... Мы ведь решим вопрос с квартирой? Я заплачу, у меня есть деньги. – Она несмело подняла глаза, почему-то ей было неловко так говорить. Деньги эти Алексея, да и Дарина от души хочет помочь. Снова накатило раздражение, или на этот раз стыд, безумный стыд! Да что с ней?! Она все делает не так!

– Конечно, решим. Я завтра же займусь. Но сейчас...

– Дарина, спасибо тебе за помощь, – перебила Анна и открыла дверь.

– Без тебя мне его не вытащить, – тихо проговорила Дарина ей вслед. – Я понимаю, тебе страшно, но ведь ты ему обязана... – выдала она последний аргумент и замолчала.

Аня не оборачиваясь покачала головой.

– Дарина, мне не страшно, я просто не могу.

– Ладно. Я поняла, – отступила та.

Аня шагнула за порог, спустилась на пару ступенек и остановилась.

– Что нужно делать? – обернулась она.

Снова заскрежетал замок. Алексей даже не повернулся. За все время, проведенное здесь, он понял, ему никогда отсюда не выбраться. Так пусть все закончится здесь и сейчас. Видимо, учитывая его заслуги перед отчеством, в камеру к нему никого не подсеяли. Так положено, понимал он, у прокурора много врагов, а в тюрьме слухи распространяются со скоростью света. Однако его никто не трогал. Да что там, его даже на допрос за все время вызвали всего один раз, и то только лишь для того, чтобы подтвердить имя-отчество. Остальное допишут сами, понимал он, и добавят: «Протокол подписать отказался».

А может, действительно Назаренко невыгодно убирать его сейчас? Но в любом случае, долго это продолжаться не может. Так что, кто бы там ни пришел, ему уже все равно.

– Подследственный Адамов, на выход, к вам пришли.

– Если там снова Пашков, скажите, чтобы уходил, – не оборачиваясь проворчал Алексей.

– Выходите.

Адамов нехотя поднялся, не торопясь вышел и, сложив руки за спиной, понуро пошел вперед. Мыслей в голове не было. Он чувствовал полное равнодушие к своей судьбе, за Анну он не переживал, она уже далеко, и Назаренко ее не достанет. А он... Да что он? Проиграл. Зло победило. И какая теперь разница, что и когда с ним случится?

Он вошел в комнату для свиданий и, подняв глаза, застыл на пороге...

У маленького зарешеченного окна стояла знакомая и до ужаса надоедливая адвокатесса, как всегда прекрасная, стильная и воодушевленная. Собственно, последним обстоятельством она все время его и бесила. И где она вечно находит повод для позитивного мировосприятия?

– Дарина Евгеньевна? Ты как узнала? – Голос был встревоженный и сердитый.

– Кира позвонил, – коротко доложила та, обеспокоенно глядя на прокурора: помятый, небритый, и взгляд потухший. Удручающее зрелище. Сдался и бороться не собирается, сразу поняла она. Но это ее не испугало. – И потом, ты уже почти две недели здесь. Весь город знает.

Адамов потоптался на пороге, косо глянул на вставшего у дверей конвойного, наконец прошел и сел за стол.

– Ну и зачем ты здесь?!

Дарина, счастливо улыбаясь, прошествовала к столу и села напротив.

– Я намерена тебя защищать.

Он посмотрел на нее, как на умалишенную.

– Ты серьезно?..

– Мы вытащим тебя отсюда! – без капли сомнений заявила Березина.

Адамов тихо выругался и посмотрел исподлобья, может, шутит? Нет, кажется, серьезно. Точно, сумасшедшая!

Глава 8

Адамов смотрел на Дарину и как будто не узнавал, казалось, все было так давно. Они встречались в судах, как противоборствующие стороны. Наверное, он выглядел в ее глазах мизантропом и палачом. Но потом они подружились. Нонсенс! Да она его ненавидеть должна, а собралась защищать. Однако, правды ради, лучше ее не найти. Да только все бесполезно.

– Я не пойму, ты что, не рад? – все также искренне улыбалась Березина. – Тебя будет защищать лучший адвокат города!

Тот посмотрел зло, еще и мысли читает, чертовка!

– Дарина Евгеньевна, скажи, ты не в себе?

– Почему же? Я в здравом уме и хочу быть твоим адвокатом. На общественных началах.

– Дарина, не лезь в это дело! Хочешь неприятностей? – Адамов почти рычал.

– Хочу, – не обращая на его тон ровно никакого внимания, твердо сказала она и раскрыла блокнот. – Я изучила детали дела...

– Ничего утешительного, я и сам знаю, – перебил он.

– Нет ничего невозможного, – ответила она, не обращая внимания на его мрачную настроенность. – И знаешь, что у нас уже есть?

Тот не ответил, но глянул с интересом.

– У нас есть документ, по которому Назаренко купил дом на имя Никиты Керкиса, через подставных лиц, разумеется, но твой занудный детектив докопался до истины.

– Павел?

– Он самый.

– Здорово, – без энтузиазма отреагировал Адамов. – И как это поможет?

– Я понимаю, это косвенная улика. Но почему чужой дяденька дарит мальчику такой дорогой подарок?

– Ерунда. Если у тебя все, тогда...

– Есть еще мысли, Кира с детективом пытаются найти аптеку, где примерно пятнадцатого июня был продан сердечный препарат или снотворное.

– Ерунда, не найдут, – снова осадил Адамов, – это как иголку в стоге сена искать.

– Именно. Полагаю, Назаренко тоже так считает.

Но Алексей возразил:

– Не думаю, что он лично покупал лекарство. Что-то еще? Дарина, что бы вы ни нашли, не поможет. Ты не понимаешь?

Однако адвокат Березина не собиралась сдаваться, и заранее знала, что с этим человеком будет непросто.

– Прекрати! – рассердилась она. – Тебя очень легко оправдать, к косвенным аргументам нужен всего один свидетель. – Дарина увидела его ошарашенный взгляд и поспешно добавила: – Ну, максимум два.

– Нет-нет-нет, Дарина, я не позволю! – внезапно взорвался Адамов. – Не надо вовлекать ее в это дело!

– Лёша, но только она сможет вытащить тебя на раз-два! – пыталась убедить она.

– Нет, я сказал!

Дарина помолчала, глядя на него: глаза горят, кулаки сжаты, будто готов прямо сейчас броситься в бой, но увы – на запястьях наручники. Как в прямом, так и в переносном смысле.

– Лёш, я все понимаю, – медленно начала она после паузы, стараясь подобрать слова, которые его убедят. – Ты хочешь ее защитить, оградить от всего этого. И я бы хотела, она столько вынесла. Но только Анна...

Адамов дернулся от этого имени, словно его ударило током.

– Ты меня слышишь, Дарина?! Нет!

– ...только она может вытащить тебя из этого дерьма, – все-таки договорила Березина, но тут же поняла, что нужных слов найти не получилось.

– Все! Я сказал, нет! – Адамов кипел гневом и негодованием. – Это не обсуждается. Подставлять Анну под смертельный удар, чтобы оправдать себя я никогда не позволю! Если очень хочешь помочь, ищи другие пути.

– Алексей, – устало выдохнула Дарина и тихо сказала: – Я знаю, больше всего на свете ты хочешь ее защитить, но пойми одну простую вещь – ты сможешь это сделать, только

если будешь на свободе.

Он уставился на нее и в этот раз промолчал.

– Ну вот и отлично! – обрадовалась адвокатесса и встала. Она поняла, что достигла цели. Ох и непростой у нее клиент, еще раз осознала она, складывая в папку блокнот и ручку.

– Дарина! – Та подняла глаза, и Адамов с кривой ухмылкой, будто чему-то радуясь, сообщил: – Анна не поможет, она уехала. Навсегда.

– Уехала? – оторопела Березина. – Когда? Я же только вчера с ней встречалась...

– Что?! – Алексей резко вскочил и подлетел к ней. – Это невозможно!

Дарина невольно вздрогнула и отпрянула.

К Адамову тут же подошел конвойный, дежуривший у дверей.

– Ведите себя тихо, иначе свидание придется прекратить. Алексей сел на место и схватился за голову.

– Дарина, почему она в городе?

Та пожала плечами:

– Я не знаю. А где она должна быть?

– Я же сделал все, чтобы она... Впрочем, что теперь об этом говорить? Ладно, все, больше не напрягайся. И пожалуйста, не надо меня защищать. Это бесполезно. Не губи свою карьеру. И я не разрешаю ее привлекать! Слышишь? Скажи ей, чтобы немедленно уезжала. Потому что я действительно не смогу ей помочь. – Адамов встал. – Уведите меня.

Предварительное слушание не добавило веры в удачный исход. С момента ареста прошло уже три недели, но прокурор увязал все глубже. На допросах он в основном отмалчивался, сидел угрюмый и думал о чем-то своем. За него говорила адвокат Березина. Все правильно говорила, однако твердолобые следователи из столицы слышали только то, что хотели слышать.

«Да, в прошлом у моего подзащитного случилась трагедия... Да, Адамов – суровый прокурор... Нет, с психикой у него все в порядке, и, если нужно освидетельствование... Да никому он не мстил!»

Всегда хладнокровная и сдержанная Дарина периодически теряла над собой контроль, срывалась и даже грубила, что было ей совсем несвойственно. После нескольких допросов и бесед со следователями Дарина потихоньку начала терять свой неиссякаемый оптимизм. Было очевидно, что Адамова топят намеренно и беспощадно, не взирая на обстоятельства дела.

– А как вы объясните фокус со взрывом? Ведь, насколько я знаю, вы тоже в этом участвовали, госпожа Березина? – Мужчина лет пятидесяти, с узенькими, в виде щеточки седоватыми усиками и невыразительными прищуренными глазами приязни не вызывал. А его нападки Берзину откровенно пугали – если ее вдруг отстранят от защиты, то помочь Адамову сможет только Господь Бог.

– Это прекрасно, что вы вспомнили об этом обстоятельстве! – не растерялась Дарина. – Предлагаю вам тщательно разобраться в деле о взрыве машины прокурора. Потому что это происшествие напрямую связано с делом моего клиента. Вы же не думаете, что он инсценировал взрыв с целью отвести от себя подозрения? Если вы интересовались деталями дела, то должны знать, что взрывчатка была установлена прямо под сидением.

– И что? – ехидно скривился тот.

– Понятно! – запыхтела Дарина. – Вы даже не удосужились поинтересоваться подробностями. А вы как никто должны знать, что если пытаются взорвать машину лучшего прокурора города, то это может значить только одно – он кому-то мешает, что совершенно очевидно, и приходит на ум в первую очередь! Всем, кроме вас! Так что советую не делать столь глупые выводы, иначе дадите повод прослыть некомпетентным специалистом.

Противный следак досадливо пожевал ус и огрызнулся:

– Мы не нуждаемся в ваших советах. Просто отвечайте на вопросы...

Предварительное слушание в суде тоже не располагало к оптимизму.

Судья заседал хоть и свой, но было очевидно, выгораживать прокурора, которого он хорошо знал и уважал, не решится. Он просто занял позицию беспристрастного слуша-

теля.

Однако в конце, неожиданно для всех, вынес достойный вердикт:

– Фактов по делу об убийстве Марениной недостаточно для обвинения, а по сему требую отправить его на следствие для сбора доказательной базы. По делу о смерти Самойлова суд назначается на двадцать седьмое сентября.

Со стуком молотка, Адамов очнулся. Никогда он не думал, что ему придется переживать такие времена. Тем не менее маленькая победа была одержана – подозрение в убийстве Марениной с него все-таки сняли. Но это не радовало, мозг точила лишь одна мысль – как спасти Анну.

Долгими ночами, мучаясь в камере бессонницей и практически постоянной головной болью, он представлял себе жуткие сцены, как Назаренко выслеживает Аню, а затем мучительно убивает. Алексей вскакивал и со звериным рычанием бил кулаком в стену до тех пор, пока в кровь не сбивал костяшки пальцев о жесткую штукатурку. Он был на грани сумасшествия. Ну почему он не может избавиться от чувства вины? И от чувства, которое испытывает к ней? Ах, если можно было бы начать жизнь заново! Сколько ошибок он совершил! Он виноват во всем, что случилось! Потому что никчемный, бесполезный человек!

И так по кругу, душевные терзания не позволяли мыслить здраво, не давали ни малейшей возможности придумать, что можно предпринять для своего спасения. И чем помочь Бе-

резиной, он не знал...

Дарина сидела в кухне и, устало потирая переносицу, разговаривала по телефону:

– Люба, привет! Анята у тебя? Я не могу до нее дозвониться.

– Дариночка, здравствуй. Нет, у меня ее нет. Но ты не волнуйся, я отговорила ее от безумной идеи уехать в Камышовку, и поселила в своей старой квартире на окраине города. Квартирка эта моих родителей, конечно, так себе, и мебели почти нет, зато там ее никто не найдет. А не отвечает... Ну, наверное, потому что поехала на очередное собеседование. Понимаешь, уроки в школах уже начались, а она никак не может найти работу, и это странно. Ее будто заговорили на неудачи: сначала квартира, потом работа...

– Это началось гораздо раньше! – перебила бесконечный поток речи Березина закипая. – Люба, ты пойми, если мы ее провороним, нам не будет прощения! И ее потеряем, и прокурора не вытащим. Тогда все пойдет прахом! И, вообще, она не может пока просто посидеть дома?

– Ну ты же понимаешь, она все лето просидела дома, денег ни копейки, – снова принялась объяснять Любовь. – Я, конечно, ей помогаю...

– Погоди, как денег ни копейки? – возмущенно спросила Дарина. – У нее денег целая куча!

– Она не хочет брать прокурорские деньги. И ее можно

понять, он повел себя, как...

– Все, Люба, я поняла, – снова прервала Березина. – Ладно, главное, чтобы ее не нашел Назаренко. До суда осталось совсем немного.

Она раздраженно бросила трубку на журнальный столик. Это было ее самое трудное дело! И каким бы неисправимым оптимистом она ни была, и кто бы ни считал ее гениальным адвокатом, сама она понимала, шансов на успех ничтожно мало. Взяв в руки пульт, она нажала кнопку, пытаясь отвлечь себя новостями.

«А сейчас криминальная сводка, – послышалось с экрана. – Очередное убийство потрясло город. Несколько дней назад в лесополосе была найдена молодая девушка, которая десять дней считалась пропавшей. Некая Ася Кутепова найдена мертвой. Как и предыдущие жертвы она была привязана к дереву, а причиной смерти стал удар холодным оружием в сердце. Следствие подозревает, что в городе появился маньяк, детали не разглашаются. Просим вас быть бдительными...».

– Боже мой! – воскликнула Дарина. – Сколько отморозков по земле ходит! Вот кого я не стала бы защищать ни за какие деньги!

Глава 9

– Здравствуйте, я частный детектив Павел Лиговский. Расследую одно частное дело о подделке документов. Вы не ответите на пару вопросов?

– Нет. – Прекрасная Натали стояла на верхней ступеньке своего роскошного особняка и не мигая смотрела на высокого красавца со смешливыми голубыми глазами, даже не подумав пригласить его в дом.

Павел так и остался стоять внизу и, даже учитывая свой почти двухметровый рост, смотрел на вампиршу снизу вверх.

– Вас это ни к чему не обязывает, просто скажите, вам знакома фамилия Сазоновой Маргариты Григорьевны? – спросил он, краем глаза заметив в окне шевельнувшуюся штору.

– Не припомню.

– Странно. Тогда почему она у вас в друзьях во всех соцсетях?

Натали даже не шелохнулась, лишь глянула, надменно приподняв бровь.

– Ничего странного. Я известный дизайнер. Если вы копались в моих соцсетях, – ядовито добавила она, – то должны были заметить, у меня много друзей.

– И все-таки вспомните, вы знакомы с Сазоновой? – не отставал настырный детектив.

– Не припомню, – недовольно повторила Наталья и, слегка вздрогнув от холодного ветра, запахнула полы наспех накинутой на плечи тонкой шубки из модного искусственного меха. – Возможно, я проектировала дизайн интерьера в ее доме. Это все? – Натали взялась за ручку двери, всем видом показывая, что продолжать разговор не желает.

Но детектив отступить не собирался.

– Сомневаюсь.

– Что? – обернулась та.

– Сия дама проживает во Франции. Или вы и там известны? – Наталья насупилась и поджала пухлые губы. А Павел все с той же лучезарной улыбкой продолжал: – Понимаете, у нее вдруг появились там родственные связи. Это же надо! Маменька Мария Николаевна Сеницына внезапно оказалась потомком старинного французского рода.

– И что? – сердито спросила Натали, мечтая поскорее отделаться от непрошенного гостя. – А я тут при чем?

– Ну, вопрос только один: откуда у семьи с исконно русскими корнями появились в роду французы?

Натали иронично улыбнулась и пожала плечами:

– Возможно, Наполеон согрешил с ее прапрабабкой. Разве такое невозможно?

Павел помолчал, с неподдельным восхищением разглядывая собеседницу. В жизни она была даже лучше, чем на фото.

– Я вижу, вас не очень удивляют мои вопросы? – хмыкнул

он.

Натали снова нахмурилась.

– Потрудитесь объяснить, что именно вам от меня надо?

– Да понимаете, внезапно объявившийся у Сазоновой родственник оказался единственным и скончался ровно за неделю до того, как она узнала о его существовании. Но она не растерялась и, заявив свои права, благополучно вступила в наследство.

Наталья взвилась:

– Какая интересная история! Просто сказочная! Да только, а я-то тут при чем? Никак не пойму. Вы хотите обвинить меня в убийстве французского дядюшки Сазоновой.

Павел мило улыбнулся:

– А разве я говорил, что умерший приходился Сазоновой дядюшкой?

Натали потеряла терпение:

– Подите вон! Иначе я вызову полицию!

Прекрасная вампирша резко развернулась и скрылась за дверь, с таким грохотом хлопнув ею, что колечко в зубах бронзового льва качнувшись жалобно пискнуло. Павел уставился на льва, затем с интересом осмотрелся, обернулся на окна гостиной, откуда за ними явно кто-то только что подсматривал, и достав из кармана визитку сунул прямо в пасть льву, крепко прижав кольцом. Вдруг позвонит.

Теперь у окна стояла хозяйка дома и открыто наблюдала за детективом. Бледное, неподвижное лицо, надменно под-

нятый подбородок и холодный, пристальный взгляд. Павел отлично читал по лицам. В глазах неприступной Натальи Керкис он уловил ужас и безысходность. Значит, вампирша испугалась, значит, он на правильном пути. Ничего, он придет еще раз, он заставит ее дать показания против Назаренко!

– Наташа, кто это был?

– Какой-то частный детектив. – Натали стояла у окна и смотрела вниз. – Ты можешь сам узнать, если спустишься. Кажется, он оставил свою визитку в дверях.

Игорь подошел, взял ее за локоть и озабоченно спросил:

– У тебя проблемы? Ты опять кому-то нарисовала липовые документы? Прости, я все слышал.

– Подслушивал! – Она вырвала руку, все также наблюдая, как по подъездной дорожке вышагивает высокий черноволосый красавец-детектив.

– Он что-то накопал на тебя? – кивнул Назаренко в окно.

– Перестань! Я такой ерундой давно не занимаюсь! Это было просто хобби. Пусть копает, все равно ничего не найдет. Да и не помню я никакую Сазонову. Наверное, он все выдумал.

Игорь напрягся:

– Может он вовсе не про Сазонову хотел узнать?

– Лучше скажи, зачем ты ищешь Загороднюю Анну? – задала свой вопрос Наталья.

– Она нужна мне для воплощения моего плана в жизнь.

– Ты опять про Адамова? Оставь ты уже их в покое. Ты же обещал, что мы начнем новую жизнь!

– Начнем. Обязательно начнем. Вот только разделаюсь с Адамовым.

Натали глянула зло и снова отвернулась к окну. Она все смотрела и смотрела вслед удаляющейся высокой фигуре, уже едва заметной среди поредевшей листвы кустарников, и ей вдруг стало тоскливо. Наверное, потому что детектив напомнил ей Андрея. Ее Андрея. Теперь ей казалось, что она никогда не любила Игоря, однако отвязаться от него не представлялось возможным, по крайней мере в ближайшее время. Она перевела взгляд в небо: низкое и хмурое, готовое излить на всех свое плохое настроение дождем. Или слезами?

– И ты мне в этом поможешь, – в самое ухо прошептал Назаренко.

Натали слегка вздрогнула и оторвалась от созерцания природы.

– Игорь, послушай. Пора оставить Артема в покое, ты погубишь жизнь моей дочери! Может хватит моего сына, меня и Андрея?

– Ой, только не начинай! – раздраженно остановил тот. – А зятек твой пусть поработает. Мы что, зря его с Андреем в столицу пропихивали? Пусть отрабатывает.

– Ну ты и... – Натали стиснула зубы. – А может, пора ответить за свои поступки? Может, хватит скрываться? Ты уже

почти месяц здесь сидишь! И до этого два месяца где-то прятался!

– Замолчи! Ты даже не представляешь, как я провел те два месяца!

Но она не слушала:

– Я знаю, ты хочешь все свалить на прокурора, но ведь это все ты! Я знаю. Надо пойти и признаться, и перед Богом покаяться. Это ведь тяжкий грех!

Назаренко громко рассмеялся:

– Ха-ха-ха! Наташа, давай обойдемся без проповедей. Кто нынче без греха, скажи?!

– Ой, вот только не корми меня своими высокопарными театральными изречениями!

– Да нет, ты послушай, – зло прищурился Назаренко, – это вовсе не театр, это жизнь. Судьба, знаешь ли, вещь коварная, так и подталкивает нас к греху. Безгрешных нет, тебе ли не знать? И как раз в тех самых проповедях, которые ты в последнее время так чтешь, написано, что в этом и состоит смысл земной жизни – постоянное испытание соблазнами. И у каждого они свои, и побеждает их вовсе не тот, кто не грешит, а тот, кто осознает греховность своих поступков. Я осознаю. А ты?

Натали посмотрела на Назаренко с удивлением и надеждой, но тут же обреченно вздохнула.

– Думаю, Игорь, одного осознания мало.

– Я раскаиваюсь, – не колеблясь добавил тот.

Наталья иронично хмыкнула:

– Ну так это прекрасно! Значит, не все потеряно! Ты должен пойти в полицию...

– Да замолчи ты! – разозлился вконец Заря. – Ты становишься невыносимой! Лучше бы ты пила, как раньше, а не в церковь ходила! Святой все равно не станешь.

– Не стану. Но душу свою спасу. Потому что я действительно раскаялась! И Бог отпустил мне грехи! А твои грехи...

– Да, мои грехи не отпустить. Никто и ничто этого уже не исправит, ни Бог, ни Дьявол. И уж тем более не тюрьма. Мне по жизни нести их. И потом, ты правда хочешь, чтобы меня посадили? – Он озадаченно посмотрел на Натали.

Она моргнула и, сделав паузу, уже собралась сказать правду. Да, она хотела избавиться от него больше всего на свете! Но в то же время...

– Нет, не хочу.

Он усмехнулся:

– Странно. И почему же?

– У меня... У нас... В общем, Игорь, снова мимо, ЭКО не помогло, я не беременна.

Назаренко застыл на мгновение, но тут же рассмеялся:

– Ничего! Попробуем еще раз! У нас все получится, должно получится. Ведь мы раскаялись, верно?

– Игорь, мне сорок лет.

– И что?

– Я уже не уверена, что смогу.

– Сможешь, Наташа. – Глаза Назаренко начали наливать-ся кровью. – Или ты забыла, что должна мне? Ты вернешь мне сына! Или...

– Или что?! – надрывно крикнула она, глаза наполнились слезами. – Я не виновата, что ты убил собственного сына!

– Виновата, – процедил он, подойдя к ней вплотную. – Если бы ты все рассказала мне, наш сын был бы жив.

Наталя закрыла лицо руками и зарыдав выбежала из гостиной.

Назаренко стоял у окна и перекатывался с пятки на носок, пытаясь усмирить нахлынувшую ярость.

Очнулся он от задрезавшего телефона. Ах да, он же поставил мобильный на вибрацию, чтобы гость Натали его не заметил. Что же это за частный детектив? Надо бы проверить.

– Слушаю... Узнал. Зачем ты мне звонишь? Я же сказал, больше меня не искать!.. Ладно, я понял. Давай встретимся... Я напишу тебе когда и где. И больше не звони мне!

Натали еще немного постояла под дверью, но больше ничего не услышала. Вот мерзавец! Она так и думала, что он не оставил своих старых привычек и все также таскается по женщинам. Наталя почувствовала жгучую ревность, как жаль, что нельзя заглушить ее вином! Она запретила себе пить. Потому что малыш должен родиться здоровым. Наташа невольно погладила рукой еще совсем плоский живот.

Нет, она пока не станет говорить Игорю...

Глава 10

– Я только что был у Натальи Керкис! – Лига ввалился в агентство и плюхнувшись на стул, стоящий у монитора, самодовольно посмотрел на Зарецкого. – Кира, она боится!

– Господи, Паша, зачем ты туда пошел?! – Кирилл стоял, склонившись над кофеваркой, и легонько постукивал по ней рукой. – Черт, Лига, когда ты уже нормальную кофемашину купишь?

Тот недовольно засопел:

– Ну извините, растворимый кофе вам не нравится, кофеварку из дома притащил – вы снова недовольны. То адвокатесса нос воротит, то ты.

– Скажи спасибо Дарине, что она нормальный кофе принесла, – парировал Кирилл, – а то так и пили бы твою бурду.

Наконец кофеварка громко зафыркала, раздавая кофейный аромат, словно Вай-Фай – щедро и бесплатно.

Лиге стало немного стыдно – он с удовольствием пил адвокатский кофе, однако саму адвокатессу все равно не жаловал.

– Слушай, сколько она еще будет сюда таскаться? – поморщился Павел. В ее присутствии он чувствовал себя безграмотным, невежественным и неотесанным, в общем, болваном и деревенщиной.

– Вот как отобьем Адамова, так и перестанет, – с ухмыл-

кой глянул на него Кирилл, наливая из колбы огромный бокал кофе. – Только тогда тебе придется снова пить свою расстворимую бурду.

– Ну и ладно... – без энтузиазма ответил детектив. – Ну, так что, ты не хочешь узнать, что там с вампиршей Натали?

Зарецкий уселся на старый диван, который тут же отозвался протестующим скрипом, и вопрошающе посмотрел на друга:

– Ах да, так кого черта ты туда пошел?

Павел положил голову на спинку стула и закатил к потолку глаза:

– Ты знаешь, в жизни она намного красивее... Но Адамов был прав. – Он посмотрел на Зарецкого. – Ну чисто вампирша: неприступная, бледная, под глазами синие тени...

– Ага, и с бокалом вина в руке, – подсказал Кира и загоготал.

Павел мотнул головой:

– Не-е-е-т, с чего ты взял?

– Да потому что она алкоголичка.

– Ничего подобного, – запротестовал Лига. – Абсолютно трезвая, и, знаешь, какая-то возвышенная. Хотя может, так показалось, потому что она стояла на крыльце, а я внизу.

– Что, даже в дом не пригласила? – с издевкой хохотнул Кира.

– Не пригласила, мы говорили на улице, – обиженно засопел Павел и тут же встрепенулся: – Но ты знаешь, я абсо-

лютно уверен, за нами кто-то следил из окна.

– Да? Это интересно, – насторожился Кирилл, – может, именно поэтому она не пригласила тебя в гости? Ну и о чем вы говорили?

– Ну слушай...

– Ты совсем уже?! – вскипел Кирилл, когда Лига поведал ему содержание беседы. – Шантажом ты ничего не добьешься, хорошо, если сам не пострадаешь.

– Да ну, ерунда, – отмахнулся тот. – Ты же сам говорил, что это ее давно забытые "детские шалости". Ну не мог же я в самом деле обвинить ее в незаконных сделках с отмыванием денег городского бюджета?

– Совсем уже?! Этого еще не хватало! Потом еще тебя выручать пришлось бы! Но все равно, она может привлечь тебя за клевету.

– Ой, да ладно. Ты же рассказывал, что она занималась подделкой документов. Ну вот я и...

– Так это когда было! – Кирилл кипел и фыркал от возмущения, как только что кофеварка. – Но тебя она запросто уничтожит, если ей вздумается. Поверь, ей это раз плюнуть. Ты знаешь, какие у нее связи? Эта красотка дверь в мэрию с ноги открывает.

– Да?.. – Павел призадумался, представив себе, как прекрасная Натали с ноги открывает дверь. – Слушай, тогда, может, попробовать ее охмурить?

Кирилл от услышанного едва не захлебнулся кофе и, гля-

нув на восторженную физиономию Лиги, иронично скривился:

– Я, кажется, понял. Она тебе понравилась. Ох, смотри, Паша, не вляпайся. Она же вампирша!

Шли дни, приближался день суда, и Березину лихорадило все больше. Все очень старались: парни собирали сведения и дополнительные улики, Дарина готовила ту самую оправдательную базу для прокурора, над которой насмеялся детектив. При воспоминании о Лиговском она чертыхнулась, как раз к нему в агентство она сейчас и направлялась, чтобы узнать новости. Дарина очень надеялась, что они накопили что-нибудь стоящее. И не ошиблась.

Она вошла в офис ненавистного детектива и остановилась в поисках, куда бы присесть. Сесть на полуразвалившийся и не очень чистый с виду диван, где сидел Кирилл, она не решилась, старые шаткие стулья еще меньше внушали доверия, поэтому она так и осталась стоять.

– Привет! Как дела? – слегка поморщившись, спросила она.

Павел с презрительной ухмылкой наблюдал за ее терзаниями и молчал.

– Привет! Мы чек нашли, – радостно сообщил Зарецкий. – Вернее, секретарша Самойлова нашла в его кабинете, в ящике стола. Это Паша догадался. Он решил сузить круг поиска, потому что хождение по аптекам было неэффектив-

ным, ну и отправился в офис к Самойлову. В общем, получается, Самойлов сам купил этот сердечный препарат, оказывается у него были проблемы с сердцем. Секретарша сказала.

– Да, – нахмурилась Дарина, – что-то такое припоминаю, Наталья Керкис, кажется, говорила. Но чем это нам поможет? Получается, Самойлов сам принял лекарство?

– Он, может, и принял, но кто-то подмешал лошадиную дозу этого лекарства в бутылку с водой, а еще ввел его в виде инъекции в вену. Насчет этого есть подтверждение медиков. Только не в этом дело. Лига другое раскопал, оказывается в крови Самойлова кроме сердечного препарата было обнаружено снотворное. Вот, это медицинское заключение, – протянул ей Кира несколько листов бумаги. – Из базы областной больницы, между прочим, выдернул. Так вот, медики установили, что до прихода Адамова Самойлов спал или находился в бессознательном состоянии примерно час. И это доказанный факт.

– А вот это интересно, – оживилась Березина. – Мы можем предоставить алиби Адамова на это время. Перед приходом в офис Самойлова он был в лаборатории. Но есть еще одна загадка: кто вызвал Омон?

– Кто-кто, Назаренко, конечно! – безапелляционно заявил Лиговский.

Дарина наконец удостоила его взглядом.

– Хорошо, но как он узнал, что Адамов придет к Самой-

лову?

– А вот здесь кроется загадка, – ответил за детектива Зарецкий. – На этот вопрос может ответить только сам Назаренко. Я проверил звонки в полицию в тот вечер. Звонили действительно из офиса Самойлова. Как понимаешь, звонил сам убийца. Однако здесь он просчитался. Звонок поступил в девять вечера, мужчина сообщил, что в кабинете директора произошло убийство.

– И что?

– А в девять еще никто, кроме Адамова не знал, что Самойлов мертв.

– Вот так да! – восхитилась Дарина. – Ну ты молодец, Кира!

Зарецкий засмутился:

– Ладно тебе, и без Паши мы ничего бы не нашли. Это он предложил проверить офис.

Дарина поджала губы, и без детектива бы догадались.

– Да, все это прекрасно, – встрял Павел. – Только не доказывает вину Назаренко.

– К сожалению, да, – расстроено вздохнул Кирилл, – на него никто и не подумал. Следствие тогда установило, что это было самоубийство. Но зато это доказывает невиновность Алексея Сергеевича.

Дарина в сомнении покачала головой:

– Если судья примет эти сведения, как аргументы. Что вряд ли.

Двадцать седьмое сентября. Адвокат Березина стояла у дверей зала суда и глубоко дышала: раз, два, три, четыре... Ничего не помогало, она жутко волновалась. Никогда она так не переживала за исход дела, даже когда шла сражаться с беспощадным обвинителем Адамовым. Но сегодня ей нужен был успех! Выдержит ли она схватку со столичными беспринципными обвинителями? Да, у Адамова были принципы – он чтит закон и тщательно собирал факты, а эти пришли утопить человека, заведомо зная, что он не виновен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.